РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. В. БЕЛОВ

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Санкт-Петербург

2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

Глава I. Встречи Ф. М. Достоевского с сотрудниками Публичной библиотеки.....

Глава II. Автографы Ф. М. Достоевского в Публичной библиотеке .....

Глава III. Прижизненные издания Ф. М. Достоевского в Публичной библиотеке .....

Глава IV. Редкие издания о Ф. М. Достоевском в Публичной библиотеке .....

Глава V. Работы сотрудников Публичной библиотеки о Ф. М. Достоевском .....

Заключение .....

Приложения .....

1. Список автографов Ф. М. Достоевского, имеющихся в Российской национальной библиотеке .....

2. Список прижизненных изданий Ф. М. Достоевского, имеющихся в Российской национальной библиотеке .....

3. Список редких изданий о Ф. М. Достоевском, имеющихся в Российской национальной библиотеке .....

4. Список работ сотрудников Публичной библиотеки о Ф. М. Достоевском .....

5. Указатель имен .....

ББК 4—733(2)5—8

Белов С. В.

Публичная библиотека и Ф. М. Достоевский / Ред. М. Ю. Матвеев.— СПб., 2002.

Книга академика Академии гуманитарных наук, профессора, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Российской национальной библиотеки Сергея Владимировича Белова «Публичная библиотека и Ф. М. Достоевский» является первой работой, раскрывающей творческие связи гениального русского писателя с одной из крупнейших библиотек нашей страны.

Все творчество Федора Михайловича Достоевского связано с Петербургом. Он не только большую часть жизни прожил в этом городе, но и создал единственный и неповторимый образ Петербурга, который пытаются разгадать многие поколения читателей.

Книга С. В. Белова посвящена встречам самого писателя с сотрудниками Публичной библиотеки, а также изданиям и автографам Достоевского, имеющимся в библиотеке. Она помогает выявить новые грани в петербургском периоде жизни Достоевского, открывает с новых сторон Петербург Достоевского.

Данная книга предназначена для всех, кто интересуется историей Российской национальной библиотеки, историей Санкт-Петербурга, историей отечественной культуры, великой русской литературы, жизнью и творчеством замечательного русского писателя, 180 лет со дня рождения которого исполнилось в ноябре 2001 г.

Портрет Ф. М. Достоевского работы В. Г. Перова. 1872 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Книжная культура Достоевского чрезвычайно глубока, обильна и разнообразна,— пишет известный исследователь творчества Достоевского Л. П. Гроссман.— Страстный читатель во все эпохи своей жизни, он не мог в моменты творчества освобождаться от своих читательских впечатлений.

Многие из его крупнейших замыслов зародились и окрепли в близкой и родной ему атмосфере идей и образов мировой литературы. Некоторые чтения Достоевского относятся к крупнейшим событиям его жизни.

Вот почему разрешить относительно Достоевского библиографическую проблему, т. е. установить состав его чтений, значит вплотную подойти к его биографии и прикоснуться к его жизненной драме»[1].

Уже ранние письма Федора Михайловича Достоевского пестрят заглавиями и цитатами, именами любимых героев и знаменитых писателей, восторженными отзывами и беглыми характеристиками. Он зачитывается Байроном, Бальзаком, Гете, Гомером, Гофманом, Гюго, Карамзиным, Корнелем, Пушкиным, Жорж Санд, Вальтером Скоттом, Шекспиром, Шиллером[2].

В кружке петрашевцев Достоевский впервые почувствовал вкус к философской и общественно-политической литературе. В библиотеке М. В. Петрашевского, наряду с важнейшими сочинениями французских социалистов-утопистов — Фурье, Консидерана, Кабе, находились также труды Конта, Штирнера, Маркса (во французском переводе), «Жизнь Иисуса» Штрауса[3].

Каждую свободную минуту своей нелегкой жизни Достоевский использует для чтения. В Петропавловской крепости, в ожидании смертного приговора, Достоевский читает путешествия к святым местам и сочинения св. Димитрия Ростовского. На каторге, в госпитале, Достоевский перечитывает «Давида Копперфильда» и «Замогильные записки Пиквикского клуба» Диккенса, в Семипалатинске, сразу же после каторги, он собирается переводить Гегеля.

Уже первое произведение Достоевского — «Бедные люди» — представляет в зародыше будущие идеологические, полифонические (тер-

мин М. М. Бахтина по отношению к романам Достоевского) произведения Достоевского. Переписка сентиментального чиновника Макара Девушкина с простодушной Варенькой полна самых неожиданных литературных цитат и реминисценций. Отныне герои всех последующих сочинений Достоевского проявляют поразительное, часто даже парадоксальное пристрастие к тем или иным авторам. Например, Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании» читает «Физиологию обыденной жизни» Д. Льюиса, Рогожин в «Идиоте» — «Историю» С. Соловьева, Настасья Филипповна накануне смерти — «Мадам Бовари», Ставрогин в «Бесах» интересуется Бальзаком, Верховенский-отец в «Бесах» перечитывает Гюго и Чернышевского, Смердяков в «Братьях Карамазовых» перед самоубийством читает сочинения Исаака Сирина[4].

Не сохранилось никаких данных о посещении Ф. М. Достоевским Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека), в его художественных и публицистических произведениях, в письмах, черновиках, записных книжках тоже нет упоминания Публичной библиотеки. Но можно не сомневаться в том, что такой страстный читатель, каким был Достоевский, посещал Публичную библиотеку, и она способствовала формированию его читательских интересов. Он мог быть читателем Публичной библиотеки и до каторги и ссылки, в 1840-е гг., и после каторги и ссылки, в 1860-е и 1870-е гг.[5]

В молодости Достоевский встречался с князем В. Ф. Одоевским, который был сотрудником Публичной библиотеки, а в 1860-е и 1870-е гг. Достоевский встречался с другими ее сотрудниками — А. Ф. Бычковым, П. Н. Петровым, В. В. Стасовым и особенно с Н. Н. Страховым.

Именно встречам Достоевского с перечисленными выше людьми и посвящена первая глава настоящего исследования.

Вторая глава рассказывает об автографах Достоевского в Рукописном отделе Публичной библиотеки.

Третья глава посвящена прижизненным изданиям Достоевского в Публичной библиотеке.

Четвертая глава повествует о редких изданиях о Достоевском в Публичной библиотеке.

Последняя глава рассказывает о работах сотрудников Публичной библиотеки о Ф. М. Достоевском.

В приложении приводятся «Список автографов Ф. М. Достоевского, имеющихся в Российской национальной библиотеке», «Список прижизненных изданий Ф. М. Достоевского, имеющихся в Российской национальной библиотеке», «Список редких изданий о Ф. М. Достоевском, имеющихся в Российской национальной библиотеке», «Список работ сотрудников Публичной библиотеки о Ф. М. Достоевском», указатель имен.

Книга «Публичная библиотека и Ф. М. Достоевский» предназначена для всех, кто интересуется историей Российской национальной библиотеки, историей отечественной культуры, великой русской литературы, жизнью и творчеством гениального русского писателя.

ГЛАВА I.

ВСТРЕЧИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО С СОТРУДНИКАМИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В Публичной библиотеке работало пять человек — знакомых Достоевского — В. Ф. Одоевский, А. Ф. Бычков, П. Н. Петров, В. В. Стасов и Н. Н. Страхов, с которыми, особенно с Н. Н. Страховым, часто встречался Достоевский.

Среди тех, с кем Достоевский встречался в молодости, был князь Владимир Федорович Одоевский [30.07 (11.08).1803 (по другим данным 30.06 (12.07). 1804), Москва — 27.02 (11.03). 1869, там же], писатель (автор первого русского философского романа «Русские ночи»), музыковед, философ, журналист.

В. Ф. Одоевский

В 1826 г. Одоевский переехал из Москвы в Петербург. Достоевский познакомился с Одоевским в конце 1845 г. 16 ноября 1845 г. Достоевский сообщал брату: «Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением»[1],— Достоевский был тогда в зените славы, вот-вот должен был появиться роман «Бедные люди», о кото-

ром уже говорил весь литературный Петербург.

27 ноября 1845 г. Н. А. Некрасов извещает Одоевского, что виделся с Достоевским, который просит передать ему, что сейчас очень занят и не может быть у Одоевского «ранее, как после первого декабря»[2]. Визит Достоевского к Одоевскому состоялся скорее всего в первой половине декабря 1845 г., возможно, по приглашению В. Г. Белинского[3].

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская писала: «Помимо литературных салонов, куда допускались собиравшиеся стать писателями или интересовавшиеся литературой, были в Петербурге и другие, более интересные салоны, куда были вхожи только писатели, художники и известные музыканты. Так, например, салон князя Одоевского, выдающегося писателя, салон графа Соллогуба, романиста с большим вкусом, давшего очень точные описания русской жизни первой половины XIX века, далее салон графа Виельгорского, обрусевшего поляка. Все эти знаменитости стремились познакомиться с Достоевским, приглашали его к себе и сердечно принимали»[4].

С 12 июля 1846 г. Одоевский назначается помощником директора Публичной библиотеки и заведующим Румянцевским музеем[5]. Вполне возможно, что в декабре 1847 г. Достоевский посетил Одоевского в Публичной библиотеке, так как именно в декабре 1847 г. Достоевский дарит Одоевскому отдельное издание романа «Бедные люди» (СПб., 1847) с дарственной надписью: «Его Сиятельству Князю Владимиру Федоровичу Одоевскому в знак глубочайшего уважения от автора»[6].

Вероятно, отношения Одоевского и Достоевского не прерывались вплоть до ареста Достоевского 23 апреля 1849 г. Уже в ссылке Достоевский сообщает брату из Семипалатинска 18 января 1856 г.: «Я написал письма сестрам, дяде (у которого ничего не прошу), Иванову, Майкову и князю Одоевскому. Я прошу князя содействовать, когда я буду хлопотать о позволении печатать»[7]. С мая 1862 г. Одоевский жил в Москве и, возможно, Достоевский навещал его там в 1860-е гг.

Однако связь Достоевского с Одоевским гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Это убедительно показали

в своих работах Р. Г. Назиров[8] и японский исследователь Коити Итокава[9]. Начиная с первого своего произведения «Бедные люди», к которому Достоевский взял эпиграф из рассказа Одоевского «Живой мертвец» (1839): «Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают! … Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь … невольно задумаешься, — а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил»,— Достоевский неизменно интересуется творчеством и личностью Одоевского. Л. П. Гроссман считает, что прототипом князя Х-ского в «Неточке Незвановой» является князь Одоевский и образ князя Х-ского, дилетанта, мистика, благодетеля Л. П. Гроссман рассматривает как первый пример идеального князя, предвосхитивший героя «Идиота» — князя Льва Николаевича Мышкина[10].

После каторги и ссылки Достоевский встречался с Афанасием Федоровичем Бычковым [15 (27).12.1818, Фридрихсгам, ныне Хамина, Финляндия — 02 (14).04.1899, Петербург], археографом и библиографом, академиком Петербургской Академии Наук (1869), работавшим в Публичной библиотеке с 1844 по 1899 гг..

Достоевский познакомился с Бычковым, вероятно, 26 февраля 1874 г., когда вместе с Бычковым присутствовал на заседании Общества любителей духовного просвещения[11]. В 1875 г. Бычков был избран вместе с Достоевским в комиссию для издания сборника в пользу славян[12].

Достоевский встречался с Бычковым в 1878 г., готовясь к работе над «Братьями Карамазовыми», так как в черновых набросках к роману имеется запись: «У Бычкова»[13].

В 1860-е гг. Достоевский встречался с историком и писателем, знатоком Петербурга, искусствоведом и библиографом Петром Николаевичем Петровым [19.06 (01.07).1827, Петербург — 29.03 (10.04).1891, там же], работавшим в библиотеке с 1860 по 1870 г.[14]

Они могли познакомиться в 1862 г., когда Петров был редактором журналов «Искусство» и «Иллюстрация», а Достоевский — жур-

нала «Время». Достоевский мог консультироваться с Петровым в 1865—1866 гг. по вопросам Петербурга в эпоху создания «Преступления и наказания».

Уже после окончания работы Петрова в Публичной библиотеке Достоевского могла привлечь тонкая оценка Петровым портрета Достоевского работы В. Г. Перова. В статье Петрова «Передвижная выставка в Академии Художеств» об этом портрете говорится, что он «поражает <…> простотою и задушевностью: романист так и вылился из-под кисти Перова, без прикрасы (как Погодин) и не рисуясь в позе (как Тургенев). В этих портретах г. Перов поднялся (особенно в последнем — Достоевского) на высоту, доступную немногим из русских портретистов»[15].

Наконец, 5 февраля 1876 г. Достоевский посещает Петрова, возможно, для того, чтобы получить сведения для предполагавшейся статьи в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.[16]

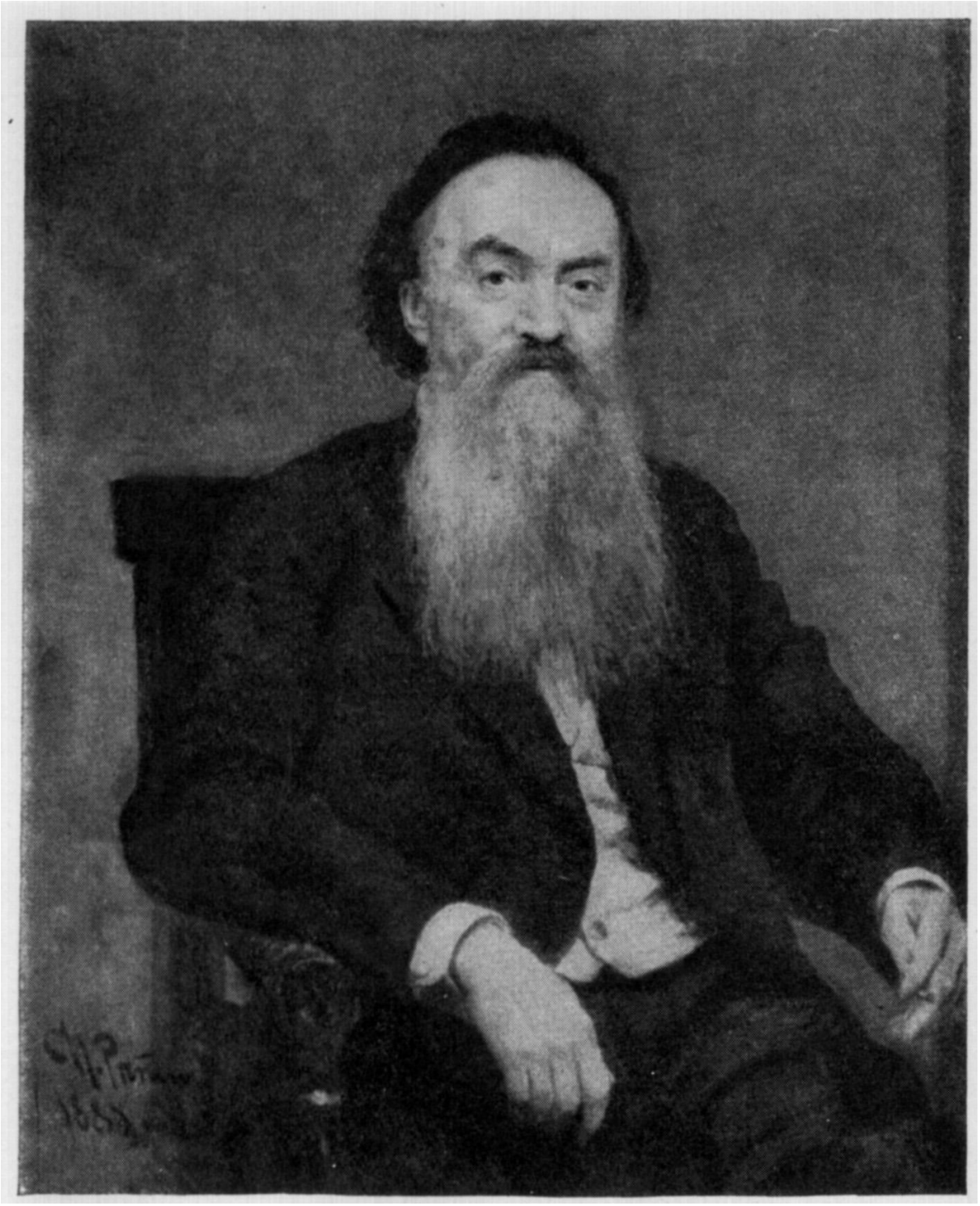
В 1870-е гг. Достоевский встречался с работавшим в Публичной библиотеке художественным критиком и теоретиком живописи Владимиром Васильевичем Стасовым [02 (14).01.1824, Петербург — 10 (23).10.1906, там же]. В молодости Стасов входил в кружок В. Н. Майкова (1846), одним из членов которого был Достоевский, где они и могли встречаться. Это был кружок молодых приверженцев французских утопистов и Л. Фейербаха. Поэт А. Н. Майков вспоминал: «Брат еще раньше тоже отвлекся от кружка Петрашевского, приняв критику в “Отечественных записках”, и около него составился его кружок: Влад. Милютин, Стасов, еще человека три-четыре»[17].

В январе 1873 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» была напечатана статья Стасова «Вторая передвижная художественная выставка», где «безукоризненным» признан портрет Достоевского кисти В. Г. Перова: «Свободная посадка фигуры, удачно схваченное выражение и мастерская лепка лица соединились здесь с естественностью и свежестью колорита…»[18]. Но возможно, «чистый реализм» Стасова все-таки отталкивал Достоевского, так как в его рабочей тетради 1876—1877 гг. к «Дневнику писателя» за 1877 г. имеется запись: «“Новое время”, суббота, 8 января <№ 310>,— фельетон Ста-

сова об идеале и реализме. Любовь к человечеству. Идеал видит в слове, это важнее. Репины — дураки, Стасов — хуже»[19],— речь идет о статье Стасова «Прискорбные эстетики»[20] в защиту И. Е. Репина, ниспровергающего ряд итальянских художников.

Достоевский и Стасов могли встречаться в конце 1870-х гг. в салоне Е. А. Штакеншнейдер[21].

В Публичной библиотеке с 1873 по 1885 гг. работал человек, с которым Достоевский чаще всего встречался в 1870-е гг. Это философ, критик и публицист Николай Николаевич Страхов [16 (28).10.1828, Белгород — 24.01 (05.02).1896, Петербург]. Достоевский мог консультироваться со Страховым во время создания «Братьев Карамазовых» по тонкостям процесса Дмитрия Карамазова, так как Страхов с 1 августа 1873 г. служил в Публичной библиотеке заведующим Юридическим отделением[22].



Портрет Н. Н. Страхова работы И. Е. Репина

Правда, отношения между Достоевским и Страховым, длившиеся двадцать лет, можно назвать историей дружбы и вражды. Для понимания будущего конфликта между Достоевским и Страховым важно, что Страхов родился в семье священника, учился в Костромской духовной семинарии (с 1840 по 1844 г.), но впоследствии был вольнослушателем Петербургского университета и в конечном итоге окончил математическое отделение Главного педагогического института, защитив в 1857 г. магистерскую диссертацию по зоологии. Таким образом, его взгляды были довольно неопределенными, что, кстати, заметно и в первой большой посмертной биографии Достоевского, написанной Страховым и опубликованной в 1883 г. в первом томе полного собрания сочинений Достоевского.

Достоевский познакомился со Страховым в самом конце 1859 г. или в самом начале 1860 г., сразу же после возвращения писателя из ссылки, в кружке А. П. Милюкова при журнале «Светоч»[23]. С 1861 г. Страхов был ближайшим сотрудником журнала братьев Достоевских «Время», а затем «Эпоха», разделяя ту систему общественно-политических взглядов Достоевского, которую обычно называют «почвенничеством».

Отношения Достоевского и Страхова были внешне как будто бы дружескими, что видно и из их переписки. В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится письмо Достоевского Страхову от 3 мая 1872 г., где речь идет о работе В. Г. Перова над портретом Достоевского по просьбе П. М. Третьякова:

«Любезнейший и многоуважаемый Николай Николаевич, как нарочно, Перов выпросил себе завтра в четверг льготный день и писать не будет. Да и портрет несколько затянулся, так что и нечего показать. А в воскресенье, кажется, он будет окончен вполне, да и с Перовым я бы очень хотел Вас познакомить. (Третьяков поручил уже ему сегодня, из Москвы, снимать и Майкова). А потому весьма прошу Вас: не манкируйте в воскресение, но этак капельку пораньше, если можно, в пятом часу, например. А теперь пока

весь ваш Федор Достоевский.

К 15 мая наверно уеду в Старую Руссу»[24].

Однако несмотря на принадлежность Достоевского и Страхова к

лагерю «почвенников», на их многолетние встречи (неприятие революционно-демократической критики, совместное путешествие по Италии в 1862 г., Страхов — свидетель со стороны Достоевского на его свадьбе в 1867 г., их дружеская переписка в 1867—1871 гг.,— Достоевский жил в это время с женой за границей,— статья Страхова о «Преступлении и наказании» в «Отечественных записках», сотрудничество Страхова в «Гражданине» в 1873 г., редактируемом Достоевским, посещение Страховым Достоевского практически каждое воскресение в последние пять лет его жизни, да и на похоронах Достоевского Страхов возглавлял делегацию от Публичной библиотеки), они все-таки никогда по-настоящему не были близки друг другу.

Это особенно ярко вскрылось в известном письме Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г.[25], в котором Страхов сожалеет в том, что так односторонне обрисовал фигуру Достоевского в своих «Воспоминаниях» о нем[26] и приписывает Достоевскому преступление, которое совершили Свидригайлов и Ставрогин, то есть растление малолетней. В другом письме Страхов пишет еще резче: «Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности и что такова именно душа человека»[27].

Толстой возразил Страхову, заметив, «что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу»[28]. Редчайший дар перевоплощения, сопереживания, проникновения в глубины психологии человека, иными словами, то, в чем Страхов вдруг увидел коренной порок Достоевского-писателя, представлялось Толстому первым условием подлинно художественного творчества. Об этом он прямо и заявил пристрастному и необъективному критику, имея в виду и Достоевского, и себя, и вообще всех истинных художников: «Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее»[29]. Страховские «разоблачения» Достоевского — писателя и человека, обернулись против самого Страхова: защищая Достоевского, Толстой, таким образом, одновременно выступил с опровержением и осуждением так называемых «от-

крытий» Страхова.

«Обличительная» тенденция, так полно развившаяся в письме к Толстому, обнаружилась уже в «Воспоминаниях» Страхова (правда, очень осторожно), а разногласия между Достоевским и Страховым начались еще раньше, после крупного объяснения между Достоевским и Страховым во Флоренции в 1862 г.: «… вы объявили мне с величайшим жаром,— вспоминал Страхов,— что есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь…»[30] и после письма Страхова к брату от 25 июня 1864 г.:

«С Достоевским я чем дальше, тем больше расхожусь. Федор ужасно самолюбив и себялюбив, хотя и не замечает этого; а Михайло [брат Достоевского.— С. Б.] просто кулак, который хорошо понимает, в чем дело, и рад выезжать на других»[31].

Но и Достоевский далеко не идеализировал Страхова. Вот что он, например, говорил о нем в письме к А. Г. Достоевской от 12 февраля 1875 г., когда Страхов довольно прохладно встретил публикацию «Подростка» в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова: «Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением “Эпохи”, и прибежал только после успеха “Преступления и наказания”»[32]. Кроме того, в записных тетрадях Достоевского 1872—1875 гг. есть строки: «Если не *затолстеет*, как Страхов, *затолстел* человек”[33]».

В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский записывает: «Кто: Сперанский или Карамзин? Вопрос должен именно в том состоять, кто передовой: Сперанский или Карамзин? А он на той же точке стоит, только просит, чтоб с Карамзиным капельку попочтительней. Так ведь это еще хуже нигилизма. Точно так же и с верой»[34]. До сих пор в достоевсковедении не решен вопрос о том, кого же имел в виду Достоевский в этой записи. Однако вполне возможно, что в данном случае речь идет о Страхове, так как в это время в октябрьском номере «Зари» за 1870 г. Страхов поместил «Письмо в редакцию» под заглавием «Вздох на гробе Карамзина».

В. Кирпотин первый обратил внимание на то обстоятельство,

что Страхов — прототип Евгения Павловича Радомского в романе «Идиот»[35]. Действительно, обыденность, прозаичность и даже пошлость роднят Евгения Павловича и Страхова. Евгений Павлович, как и Страхов, терпеть не мог всего, выходящего за нормы, нарушавшего установленные прописи, входившего в конфликт с господствующим мнением. Отсюда прямой шаг к двуличию, да и сам Страхов сознавался, что «я и радуюсь, когда найду место, обличающее тех, кто так гордо признает себя светильниками правды и добра»[36].

Характерно, что Страхов никогда не назвал Достоевского гением, а судя по «Воспоминаниям» А. Г. Достоевской, Страхов не пришел к умирающему Достоевскому, да и вообще, если судить по переписке Страхова и Достоевского, Страхов не признавал великие романы Достоевского[37], а Достоевский же в своих личных записях два раза негативно упомянул Страхова, хотя первый раз и не назвал его прямо: «Это была натура русского священника в полном смысле, то есть матерьяльная выгода на первом плане и за сим — уклончивость и осторожность»[38]; «Неискренность в общественных сходках. (Страхов у меня на вечере)»[39].

В 83-м томе «Литературного наследства» в 1971 г. впервые приводится запись Достоевского о Страхове, датируемая 1877 г.: «Н. Н. С[трахов]. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе “Жених”, о которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком.

Пироги жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю, не больше, и жажду славы. Он сидит на мягком, кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом. В старости и достигнув двух мест, эти литераторы, столь ничего не сделавшие, начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычно обидчивыми и взыскательными. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще немного, они уже переделываются совсем в дураков — и так на всю жизнь. Главное в этом славолюбии играют роль не столько литератора, со-

чинителя трех-четырех скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и два казенных места. Смешно, но истина. Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную, грубосладострастную пакость готов продать всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно»[40].

Комментируя эту антистраховскую запись Достоевского, Л. М. Розенблюм обоснованно предполагает, что Страхов видел эту запись, когда А. Г. Достоевская предоставила ему и профессору О. Ф. Миллеру возможность ознакомиться с архивом Достоевского для подготовки первого тома посмертного собрания сочинений Достоевского и когда было решено издать также большую часть последней тетради Достоевского[41].

Совершенно очевидно, замечает Л. М. Розенблюм, что А. Г. Достоевская не заметила этой антистраховской записи, иначе бы она упомянула о ней в заявлении по поводу письма Страхова к Л. Н. Толстому[42]. «Страхов, конечно, понимал,— пишет Л. М. Розенблюм,— что со временем не только последняя тетрадь Достоевского, но и все остальные будут опубликованы. Знал он также, что когда-нибудь будет издана и переписка Льва Толстого. Быть может, и эту мысль отчасти имел он в виду, направляя письмо Толстому, своеобразный “ответ” Достоевскому»[43].

Об истоках клеветы Страхова рассказывает внучка знакомой Достоевского А. П. Философовой З. А. Трубецкая (кстати, сын А. П. Философовой критик Д. В. Философов, знавший в детстве Достоевского, работал в Публичной библиотеке в 1898—1905 гг. и в 1918—1919 гг.): «Когда Достоевский бывал в великосветских салонах, в том числе у Анны Павловны Философовой, он всегда, если происходила какая-нибудь великосветская беседа, уединялся, са-

дился где-нибудь в углу и погружался в свои мысли. Он как-будто засыпал, хотя на самом деле слышал все, о чем говорили в салоне. Поэтому те, кто первый раз видел Достоевского на великосветских приемах, были очень удивлены, когда он, как будто спавший до этого, вдруг вскакивал и, страшно волнуясь, вмешивался в происходивший разговор или беседу и мог при этом прочесть целую лекцию. Мой дядя Владимир Владимирович рассказал нам следующий эпизод, очевидцем которого он был сам.

На этот раз гостей у Анны Павловны было немного, и после обеда все гости, среди которых был и Достоевский, перешли в маленькую гостиную пить кофе. Горел камин, и свечи люстр освещали красивые отливы платьев и камней. Началась беседа. Достоевский как всегда забрался в угол. Я, рассказывал дядя, по молодости лет, подумывал, как бы удрать незаметно… Как вдруг кто-то из гостей поставил вопрос: какой, по вашему мнению, самый большой грех на земле? Одни сказали — отцеубийство, другие — убийство из-за корысти, третьи — измена любимого человека… Тогда Анна Павловна обратилась к Достоевскому, который молча, хмурый, сидел в углу. Услышав обращенный к нему вопрос, Достоевский помолчал, как будто сомневаясь, стоит ли ему говорить. Вдруг его лицо преобразилось, глаза засверкали, как угли, на которые попал ветер мехов, и он заговорил. Я, рассказывает дядя, остался, как прикованный, стоя у дверей в кабинет отца и не шелохнулся в течение всего рассказа Достоевского.

Достоевский говорил быстро, волнуясь и сбиваясь… Самый ужасный, самый страшный грех — изнасиловать ребенка. Отнять жизнь — это ужасно, говорил Достоевский, но отнять веру в красоту любви — еще более страшное преступление. И Достоевский рассказал эпизод из своего детства. Когда я в детстве жил в Москве в больнице для бедных, рассказывал Достоевский, где мой отец был врачом, я играл с девочкой (дочкой кучера или повара). Это был хрупкий, грациозный ребенок лет девяти. Когда она видела цветок, пробивающийся между камней, то всегда говорила: “Посмотри, какой красивый, какой добрый цветочек!” И вот какой-то мерзавец, в пьяном виде, изнасиловал эту девочку, и она умерла, истекая кровью. Помню, рассказывал Достоевский, меня послали за отцом в

другой флигель больницы, прибежал отец, но было уже поздно. Всю жизнь это воспоминание меня преследует, как самое ужасное преступление, как самый страшный грех, для которого прощения нет и быть не может, и этим самым страшным преступлением я казнил Ставрогина в “Бесах”…

Этот рассказ я неоднократно слышала от своего дяди и помню, как он был страшно возмущен, когда прочел печально известное письмо Страхова к Л. Толстому, в котором Страхов приписал преступление Ставрогина самому Достоевскому. Дядя снова вспомнил рассказ Достоевского в салоне Анны Павловны и сказал, что это чудовищная клевета, что этого не могло быть даже и в *мыслях* Достоевского, ибо мысль еще грешнее действия!»[44]

А. Г. Достоевская обратилась к целому ряду лиц, хорошо знавших Достоевского, с просьбой подписать протест против этого письма-клеветы Страхова[45]. Этот протест подписали А. В. Круглов, С. В. Аверкиева, Ж. А. Полонская, Х. Д. Алчевская, А. А. Штакеншнейдер, С. С. Кашпирева, академик М. А. Рыкачев и другие.

«С чувством искреннего негодования,— гласил протест,— мы, лично знавшие покойного писателя, Федора Михайловича Достоевского, прочли письмо Н. Н. Страхова к гр. Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., напечатанное в журнале “Современный мир”, октябрь 1913 г.

В письме этом Н. Н. Страхов говорит, что Ф. М. Достоевский был “зол, завистлив и развратен”.

Не говоря уже об известном всему литературному миру факте, что Федор Мих[айлович] взял на себя, после смерти своего брата, М. М. Достоевского, все долги по журналу “Время”, в количестве более двадцати тысяч рублей, и выплачивал их до самой своей смерти, существуют свидетельства многих лиц, что он, сам больной и необеспеченный, помогал своему пасынку П. А. Исаеву, больному брату Николаю и семье умершего М. М. Достоевского.

Но не одни только близкие пользовались добротою Федора Михайловича: существуют многочисленные свидетельства, печатные и устные, что никто из обращавшихся к нему незнакомых ему людей не уходил от него без дружеского совета, указания, помощи в той или

другой форме. Мог ли поступать подобным образом человек, “нежно любивший одного себя”, как о нем пишет Н. Н. Страхов?

Федор Михайлович, по словам Н. Н. Страхова, был “завистлив”. Но лица, интересующиеся русскою литературой, помнят и знаменитую его “Пушкинскую речь” и восторженные и защитительные статьи и отзывы его в “Дневнике писателя” о Некрасове, гр. Л. Толстом, Викторе Гюго, Бальзаке, Диккенсе, Жорж Занде, которым он, очевидно, не “завидовал”. Подозревать Федора Михайловича в зависти к чинам, карьере или богатству других людей было бы странно, когда он сам, во всю свою жизнь, ничего для себя не искал и добровольно раздавал нуждающимся все, что имел.

Но еще поразительнее для нас в письме Н. Н. Страхова — это обвинение Федора Михайловича в “разврате”. Лица, близко знавшие его в молодости в Петербурге и в Сибири (А. П. Милюков, Ст. Д. Яновский, д-р Ризенкампф, бар. А. Е. Врангель и др.) в своих воспоминаниях о Федоре Михайловиче ни единым намеком не обмолвились о развращенности его в те отдаленные времена. Мы же, знавшие Федора Мих[айловича] в последние два десятилетия его жизни, можем засвидетельствовать, что знали его как человека, больного тяжелою болезнию (эпилепсией) и вследствие ее иногда раздражительного и неприветливого, всегда поглощенного в свои литературные труды и часто удрученного житейскими невзгодами, но всегда доброго, серьезного и сдержанного в выражении своих мнений. Многие из нас знают Федора Михайловича и как прекрасного семьянина, нежно любившего свою жену и детей, о чем свидетельствуют и его напечатанные письма.

Все сказанное Н. Н. Страховым в вышеупомянутом письме до того противоречит тому представлению, которое мы вынесли о нравственном облике Ф. М. Достоевского, из более или менее близкого с ним знакомства, что мы считаем нравственным долгом своим протестовать против этих ни на чем не основанных и голословных обвинений Н. Н. Страхова»[46].

Этот протест не был напечатан отдельно, а был положен А. Г. Достоевской в основу специальной главы ее «Воспоминаний» «Ответ Страхову»[47], да и сами «Воспоминания» А. Г. Достоевская фактически поворачивает против Н. Н. Страхова.

Историю этой клеветы Страхова подробно исследовал и убедительно опроверг В. Н. Захаров в своей книге «Проблемы изучения Достоевского»[48], хотя подобные нападки не надо было и опровергать, ибо «гений и злодейство — две вещи несовместные». Достоевский прекрасно знал, что это самое главное у Пушкина. Страхов же, много писавший о Пушкине, так и не понял этого высказывания, ибо Страхов был Сальери, а Достоевский — Моцарт.

ГЛАВА II

АВТОГРАФЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В Рукописном отделе Публичной библиотеки имеются драгоценные автографы Достоевского. Это, в основном, письма писателя, а также черновой автограф «Дневника писателя» за 1880 г., автограф с поправкой наборной рукописи «Дневника писателя» за 1881 г. и дарственная надпись на романе «Идиот». Список автографов Ф. М. Достоевского, имеющихся в библиотеке, помещен в приложении 1.

В Публичной библиотеке сохранилось наибольшее количество писем Достоевского — четыре (всего пять) — к Анне Павловне Философовой [05(17).08.1837, Петербург — 17(30).03.1912, там же], общественной деятельнице, одной из учредительниц в 1878 г. Высших женских (Бестужевских) курсов. Еще раньше Философова участвовала в основании Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Петербурга (1861 г.), в создании женской издательской артели (1863 г.), в организации первых общеобразовательных женских курсов (1870 г.)[1].

Достоевский познакомился с Философовой в конце 1871 или в начале 1872 гг., о чем она впоследствии вспоминала: «На одном из литературных вечеров <…> я познакомилась с Ф. М. Достоевским. Я помню, как я счастлива была его видеть! На другой день он ко мне приехал, а затем мы часто виделись. Как много я ему обязана, моему дорогому нравственному духовнику!»[2] 28 февраля 1872 г. Философова в письме приглашает к себе на вечер Достоевского с женой, сообщает, что соберутся ее знакомые, сочувствующие делу организации Владимирских высших курсов (впоследствии — Бестужевских), отмечает, что в течение семи лет преодолевает препятствия, мешающие созданию курсов[3].

Именно Философовой принадлежат слова: «Прежде жены, матери и семьянинки — я человек и гражданка, люблю свое отечество и болею его болями»[4].

В письме к А. Ф. Герасимовой от 7 марта 1877 г. Достоевский

дает следующую характеристику Философовой: «Я говорил про Вас одной из очень влиятельных дам, именно старающейся устроить эти женские курсы уже *на правах*. Она мою просьбу приняла горячо и обещала мне, если Вам можно перебраться в Петербург, поместить Вас на эти курсы в непродолжительном времени <…> Ваш отец всегда бы мог сам справиться об этих курсах и именно у одной из их покровительниц, вот этой самой дамы (благородной сердцем и благодетельной), которую я за Вас просил. Это Анна Павловна Философова, жена государственного статс-секретаря Философова. По крайней мере я с моей стороны могу Вам обещать покровительство этой дамы вполне. Она же всей молодежи, и особенно женщинам, ищущим образования, глубоко и сердечно сочувствует»[5].

Сама Философова вспоминала о встречах с Достоевским: «Я ему [Достоевскому] все говорила, все тайны сердечные поверяла, и в самые трудные жизненные минуты он меня успокаивал и направлял на путь истинный. Я часто неприлично себя с ним вела! Кричала на него и спорила с неприличным жаром, а он, голубчик, терпеливо сносил мои выходки! Я тогда не переваривала романа “Бесы”. Я говорила, что это прямо донос. Я вообще тогда была нетерпима, относилась с пренебрежением и запальчивостью к чужим мнениям и орала во все горло.

С Тургеневым я тоже познакомилась на одном из литературных вечеров. Он был совсем европеец. Я его меньше уважала, чем Достоевского. Федор Михайлович на своей шкуре перенес все беды России, он выстрадал и вымучил все свои убеждения, а Иван Сергеевич испугался и сбежал и всю жизнь из прекрасного далека нас критиковал <…>

Никогда в жизни я не забуду одного вечера в зале Кононова. Оба они должны были участвовать <…> Накануне этого вечера я виделась с Достоевским и умоляла его прочитать исповедь Мармеладова из “Преступления и наказания”. Он сделал хитрые, хитрые глаза и сказал мне:

— А я вам прочту лучше этого.

— Что? Что? — приставала я.

— Не скажу.

С невыразимым нетерпением я ждала появления Федора Михайло-

вича. Тогда еще не были напечатаны и никто еще не имел понятия о “Братьях Карамазовых”, и Достоевский читал по рукописи… Читал он то место, где Екатерина Ивановна является за деньгами к Мите Карамазову, к зверю, который хочет над нею покуражиться и ее обесчестить за ее гордыню. Затем постепенно зверь укрощается, и человек торжествует: “Екатерина Ивановна, вы свободны!”

Боже, как у меня билось сердце… Я думаю, и все замерли… есть ли возможность передать то впечатление, которое оставило чтение Федора Михайловича. Мы все рыдали, все были преисполнены каким-то нравственным восторгом. Всю ночь я не могла заснуть, и когда на другой день пришел Федор Михайлович, так и бросилась к нему на шею и горько заплакала.

— Хорошо было? — спрашивает он растроганным голосом.— И мне было хорошо,— добавил он.

Для меня в этот вечер Тургенев как-то стушевался, я его почти не слушала…»[6].

Из писем Достоевского к А. П. Философовой, хранящихся в Публичной библиотеке, наибольший интерес представляет последнее по времени письмо от 28 ноября 1877 г.:

«Многоуважаемая Анна Павловна.

Так Вы были больны и, как пишете, опасно! В тот же день, как получил Ваше милое письмецо, хотел ехать к Вам, но сам я теперь завишу от цензора и метранпажа в типографии, потому что на днях выдаю выпуск замучившего меня “Дневника”. Так было и в воскресенье и сегодня, а завтра последний и самый горячий день. Но я постараюсь урваться к Вам, как только увижу возможность бросить корректуры и сверстки. У меня тем туже все это двигается, что сам я весь этот месяц был болен и 2 недели *лежал* в лихорадке. Почел пока необходимым Вас уведомить этим письмецом. Благодарю Вас за Ваше. А пока

Весь Вам преданный искренно и душевно

Ф. Достоевский»[7].

Некоторые дополнительные штрихи к истории взаимоотношений Достоевского и Философова дают воспоминания ее внучки З. А. Трубецкой (со слов ее матери З. В. Ратьковой-Рожновой [1870—1966] и дяди В. В. Философова [1858—1929]): «… Я любила в

детстве и юности сидеть у камина и слушать маму или дядю — оба были хорошими рассказчиками. Анна Павловна, часто повторял Владимир Владимирович, была исключительно добрый человек, у нее, как выразился Достоевский, было “умное сердце”. Достоевский хотел сказать, что Анна Павловна всегда помнила того, кому хотела помочь, она влезала мысленно в его “кожу” и этим умением всегда прийти на помощь не тяготила, не оскорбляла и как бы не требовала благодарности, а рождала близость, часто дружбу. Именно за это очень ценил ее Достоевский. Она была очень красива, что с ее добротой составляло редкий шарм.

Она имела друзей “всех форм и всех шерстей” (как говорят французы: tout poil et tout calibre), т. е. из литературного мира, из высшего общества, левых и правых кругов. Для Анны Павловны самое важное в человеке было его сердце и самое ужасное, когда человек был “ни рыба, ни мясо”, “серый душой”, однако и в этом человеке Анна Павловна стремилась найти “искру божью”. Однажды при Достоевском муж Анны Павловны спросил ее: “Как ты могла заставить господина Х. оживленно говорить, удивляюсь! Он только молчит”.— “Да, он мне тоже раньше казался флаконом скуки, но я нашла, что его интересует, и он очень интересно рассказал о жизни горных птиц”. Достоевский рассмеялся и сказал: “Анна Павловна каким-то восьмым чувством притягивает доверие людей. Это неоценимый дар!”

Неудивительно, что Федор Михайлович ценил и любил Анну Павловну. Он часто бывал у нее, причем всегда заходил запросто <…> Однажды Анна Павловна должна была ехать на бал, на ней было черное бархатное платье и букет анютиных глазок (как у Анны Карениной) и диадема в волосах, как полагалось. Вдруг перед самым отъездом на бал прискакал гонец и сообщил, что в дешевых ночлежных квартирах, созданных Анной Павловной, обварили ребенка, мать голосит, а доктора нет. Не раздумывая ни секунды, Анна Павловна, как была в бальном платье, вскочила на извозчика с гонцом (парень лет 16) и понеслась за доктором, вместе с ним поехала к ребенку, чтобы попытаться его спасти. Когда мой дядя, Владимир Владимирович, рассказал Достоевскому эту историю, то Достоевский воскликнул: “В этом жесте вся Анна Павловна! Помочь ребенку важ-

нее, чем новое платье, чем опоздать к выходу царя, чем войти во дворец не под руку с мужем, как полагалось, а одной. Главное, всегда сначала *настоящее* главное!”

В тот день, когда Анна Павловна узнала, что ее высылают <…> мы сидим в ее голубом будуаре, вдруг дверь открывается и вбегает Достоевский. Надо сказать, рассказывала моя мама, что меня очень поразило это появление Достоевского: ведь в то время невозможно было появиться без доклада, без того, чтобы лакей не ввел в одну из гостиных и не пошел спросить, могут ли хозяин или хозяйка принять гостя и где, причем, это правило касалось даже близких друзей. Но таков уж был Достоевский, действующий по велению сердца <…>

А. В. Тыркова [в своей статье “Анна Павловна Философова и ее время”] вырывает отдельные фразы А. П. Философовой, не считаясь с контекстом. Анна Павловна, по словам моей мамы, дяди Димы и дяди Володи, обожала Александра II (несмотря на то, что он выслал ее из России), и когда его убили, она серьезно заболела и сказала, что он был единственным спасителем России (конституция была уже готова, поэтому левые и убили накануне, чтобы реформа не шла сверху).

Квартира дедушки находилась рядом с Зимним дворцом. У А. П. Философовой было раздвоение: что делают дураки вокруг государя и чувство к государю. Письмо Анны Павловны — “я ненавижу настоящее наше правительство … это шайка разбойников, которые губят Россию” — смотря в каком контексте стоят эти слова. Анна Павловна знала Веру Засулич, но она не скрывалась у нее после суда. Причиной высылки Анны Павловны из России [осенью 1879 г.] послужил следующий факт. Анна Павловна отдала браслет бедной женщине, чтобы та могла прокормить свою семью, а та оказалась революционеркой. На вырученные от продажи браслета деньги она купила динамит для убийства царя. Царь вызвал мужа Анны Павловны и отправил ее в ссылку за границу»[8].

1/13 февраля 1881 г. Философова написала из Висбадена А. Г. Достоевской: «Сейчас вычитала из газет, какую мы все понесли еще потерю!! Не стало нашего дорогого Федора Михайловича! Конечно, нет слов, чтобы выразить вам всю мою скорбь, дорогая Анна

Григорьевна, и, конечно, нет слов у меня утехи и для вас; одно можно с уверенностью предсказать, что Федор Михайлович всегда будет жить в сердце истинно русским! Как я жалею, что горькая моя судьба приковала меня к заграница и что я лишена даже возможности проститься с дорогим усопшим…»[9].

Совершенно иначе складывались отношения Достоевского с издателем и журналистом Андреем Александровичем Краевским [05(17).02.1810, Москва — 08(20).08.1889, Павловск, близ Петербурга], пять писем к которому Достоевского за 1849—1865 гг. хранятся в Публичной библиотеке. В 1839 г. Краевский стал издателем и редактором «Отечественных записок» и привлек постепенно к участию в журнале лучших современных писателей и критиков. С 1846 г. в «Отечественных записках» начал печататься Достоевский, хотя его личное отношение к Краевскому было скорее негативным. Репутация Краевского как издателя и редактора была всегда двойственной; в нем совмещались незаурядный организатор и просветитель, сделавший много хорошего для русской культуры, и буржуазный делец, эксплуатировавший своих литературных сотрудников.

Кроме «Бедных людей», «Романа в девяти письмах» и «Ползункова», все произведения Достоевского докаторжного периода печатались в «Отечественных записках», однако Достоевского бесконечно раздражало, что работая на Краевского по договору, он должен был к определенному сроку поставлять обусловленное количество листов. Об этом как раз и свидетельствуют упомянутые выше письма.

«… Между нами вышло недоумение, да кроме того, и я сам в большом недоумении с другой, частной стороны, более до меня касающейся,— писал Достоевский Краевскому 1 февраля 1849 г.— Оба эти недоумения нужно разъяснить немедленно и скоро, иначе никакого дела нельзя делать. Посудите сами.

Во-первых: два года назад я имел несчастие задолжать Вам большую сумму денег. Сумма эта, вместо того чтоб уменьшаться, возросла до невозможных пределов. Так как я прежде всего хочу расквитаться и заплатить, то нашел необходимым предложить меры решительные. Но прежде всего нужно сыскать причину, почему эта сумма не уменьшилась, а увеличивалась. Я уже давно сообразил и

вышло, что от следующих причин:

1) Оттого, что я должен был писать и не получать ничего *регулярно*. То есть хотя я и получал *по временам* деньги, но это было *по временам*; а так как платить за свою жизнь нужно помесячно, то нужно было получать не по временам, а регулярно, напр<имер>, хоть половину за то, что стоило написанное, а половина шла бы в уплату. Это конечно и было, но опять-таки *нерегулярно*.

2) Оттого, что я, чтоб исполнить слово и доставить к сроку, насиловал себя, писал, между прочим, такие дурные вещи или (в единственном числе) — такую дурную вещь, как "Хозяйка", тем впадал в недоумение и в самоумаление и долго потом не мог собраться написать серьезного и порядочного. Каждый мой неуспех производил во мне болезнь.

3) Формально помешавшая мне болезнь, продолжавшаяся год и кончившаяся, как Вам известно, воспалением в мозгу.

4) Причина чисто нравственная, заставившая меня ненавидеть срочную работу, не приносившую мне даже насущного, и наконец, рабство, в котором я находился, конечно, самовольно. Эта причина важная. От самоумаления ли или не знаю от какой ложной деликатности я считал, что Вы, давая мне деньги, делали мне какое-то одолжение, тогда как здесь была чисто *услуга за услугу*. Первые деньги, которые я от Вас получил, не могли быть сочтены за одолжение, мне сделанное. Мы были очень мало друг с другом знакомы. Я, кажется, ничем не мог приобресть Вашего расположения, чтоб Вы могли, как Вы сами сказали в последний раз,— *рисковать* и дать мне, помнится, 400 руб. серебр<ом>. Наконец, еще соображение: я бы и не взял их даром. Следов<ательно>, тут было не одолжение; а уж если Вы и говорите, что *одолжение* (ибо Вы в предпоследний раз сказали мне это),— то позвольте уж и мне сказать: что даром деньги не даются, что Вы дали мне в надежде услуги, то есть работы моей, которая чего-нибудь тоже да стоила…»[10].

В 1857 г. Краевский опубликовал рассказ «Маленький герой» Достоевского, а в 1859 г. повесть «Село Степанчиково и его обитатели». В эпилоге «Униженных и оскорбленных» Достоевский сделал иронический намек на Краевского, выведя его под именем журнали-

ста Александра Петровича: «В карете Александр Петрович опять несколько раз пускается в рассуждения о современной литературе. При мне он не конфузится и преспокойно повторяет разные чужие мысли, слышанные им на днях от кого-нибудь из литераторов, которым он верит и чье суждение уважает. При этом ему случается иногда уважать удивительные вещи. Случается ему тоже перевирать чужое мнение или вставлять его не туда, куда следует, так что выходит бурда. Я сижу, молча слушаю и дивлюсь разнообразию и прихотливости страстей человеческих. "Ну, вот человек,— думаю я про себя,— сколачивал бы себе деньги да сколачивал; нет, ему еще нужно славы, литературной славы, славы хорошего издателя, критика!"»[11].

Общую отрицательную оценку Краевскому Достоевский дал в статье «Каламбуры в жизни и литературе»[12].

5 писем Достоевского за 1877—1880 гг. к критику Виктору Павловичу Гаевскому [22.01.(03.02).1826, Петербург — 02(14).03.1888, там же], хранящиеся в Публичной библиотеке, связаны с организацией Гаевским литературных чтений с участием Достоевского в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

В 1859 г. Гаевский участвовал в учреждении Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) и на этой почве познакомился с Достоевским. Особенно часто общался Гаевский с Достоевским в 1863—1864 гг., когда Достоевский был избран секретарем Литературного фонда вместо Гаевского. 11 июня 1873 г. Гаевский выступает защитником Достоевского на суде в деле о нарушении им как редактором «Гражданина» цензурного устава за публикацию заметки В. П. Мещерского «Киргизские депутаты в С.-Петербурге» в которой были приведены слова императора без разрешения министра двора, и указывает на неправильность возбуждения дела цензурным комитетом[13].

29 октября 1880 г. Достоевский писал Гаевскому:

«Многоуважаемый Виктор Павлович,

Спешу как можно скорее исправить вчерашнюю большую мою ошибку.

Я вчера Вам твердо и положительно обещал мое участие в будущем чтении для Лит<ературного> фонда, так что уже назначено было и число (16-е). И, однако же, по уходе Вашем, я сообразил дело и вижу, что никак не мог бы ничего обещать с такою определенностью, выпустив из виду, что, весьма может быть, буду принужден, по некоторым обстоятельствам, проехаться в ноябре в Москву для завершения некоторых собственных дел. Есть кроме того и другие, для меня лично весьма серьезные соображения, по которым я в ноябре буду не в состоянии располагать собою[14]. А посему, ввиду того, что Вы, многоуважаемый Виктор Павлович, могли бы на основании моего твердого обещания, вчера Вам мною данного, предпринять некоторые шаги и распоряжения (то есть у попечителя, о зале, об отсрочке Вашего вечера до 16-го числа и проч.),— ввиду всего этого и спешу написать Вам это повинное письмо и просить Вас, чтоб Вы уже более не стесняли Ваших действий мною и устроили Ваш вечер так, как если б на меня вовсе не рассчитывали. Это вовсе не значит, чтоб я вполне отказывался: все зависит от обстоятельств; я только слишком твердой определенности боюсь. Насчет же того, что Вам заранее нужно знать (для попечителя, для афишки) о моем участии,— в данную минуту, к моему великому горю, ничего сказать Вам не могу. По крайней мере, Вы теперь уже можете не стесняться 16-м числом и назначить Ваш вечер гораздо раньше, так как, кажется, того и хотели. Да к тому же утешает меня и то, что чтецов у Вас и без меня слишком довольно, да еще превосходных. Во всяком случае жажду полного Вашего ко мне снисхождения. Не вмените в грех, не сочтите за лень и отлынивание. Поступаю так единственно из мнительности, боясь быть вынужденным отказаться накануне, да еще сам связав Вас 16-м числом и прочими условиями, вчера высказанными. В один же день (со вчерашнего числа) думаю, Вы не могли и не успели еще предпринять что-нибудь на основании вчерашних условий, уже Вас связавших. Примите уверение в моей совершенной преданности и готовности услужить Вам в случае возможных для меня обстоятельств, то есть относительно только вечера. Служить же Вам готов во *всем остальном* уже при всяких обстоятельствах с совершенною ревностью.

Ваш весь Ф. Достоевский»[15].

Сын известного историка М. Т. Каченовского, литератор и мемуарист Владимир Михайлович Каченовский [28.03.(09.04).1826, Москва — 03(15).06.1892, там же] учился вместе с Достоевским в Москве в пансионе Л. И. Чермака с 1834 г., когда и состоялось их знакомство, до 1837 г.[16], хотя виделись они еще раньше, совсем маленькими мальчиками в Мариинской больнице для бедных в Москве. «Мы, дети, спешили в тенистый сад больницы и вмешивались в группы играющих детей местных медиков и служащих,— вспоминал Каченовский 31 января 1881 г. в газете «Московские ведомости».— Как теперь помню в числе их двух белокурых мальчиков, один из них был немного старше меня, другой — лет на пять. Для игр они выбирали себе более подходящих к ним по возрасту товарищей и становились их руководителями. Авторитет их между играющими был заметен и для меня, ребенка. Эти дети были Федор и Михаил Достоевские… Прошло года два, в течение которых я ближе сошелся с обоими братьями, которые мне и сообщили, что они уже учатся в пансионе»[17].

После окончания в 1843 г. 2-й московской гимназии Каченовский поступил в Московский университет, но в 1845 г. был сослан рядовым на Кавказ за то, что во время выступления балерины Е. И. Андреевой бросил ей на сцену дохлую кошку. Оставив военную службу в 1859 г. в чине штаб-ротмистра, Каченовский после службы в различных учреждениях вышел в отставку и начал печататься.

«Прошли десятки лет и, вот, прибыв в Москву в 1874 году,— помнится по расчетам за свои издания с книгопродавцами,— и узнав от кого-то из чермаковцев, что я состою здесь на службе,— вспоминал Каченовский — он [Достоевский] приехал ко мне на квартиру <…> Это было часа в два дня. Не сказав прислуге своей фамилии, он просил доложить о себе, что желает меня видеть, и вошел в зал…

Перед мной стоял худощавый, бледный, болезненный господин с бородою. Я долго всматривался в его умное, выразительное лицо, в его приветливо устремленные на меня глаза, и не узнавал стоявшего предо мною, хотя в чертах его припоминалось мне что-то знакомое, как бы родное. Когда объяснилось, кого я вижу, мы уселись, и около двух часов прошло в оживленной беседе. Посвятив несколь-

ко времени воспоминаниям о далеком прошлом и расспросам о старых товарищах, Федор Михайлович отвечал на мои расспросы о нем. С тихим, ясным чувством говорил он мне о своем семейном счастии: “Хорошо и как хорошо жилось бы мне,— сказал он,— если бы не злые недруги, которые часто меня беспокоят”. При прощании мы товарищески с ним обнялись. Вообще как в разговоре, так и в письмах, он любил употреблять слово “старый товарищ” и был очень сердечен…»[18].

В письме к Каченовскому от 16 октября 1880 г., хранящемся в Публичной библиотеке, Достоевский сообщает о том, что активно хлопочет о «временном вспоможении» Каченовскому, «а может быть, и некоторой постоянной (то есть ежегодной) помощи или пенсии» и заканчивает письмо словами: «Да, наших чермаковцев немного, а я всех помню. В жизни встречал потом лишь Ламовского и Толстого. С Шумахерами никогда не пришлось увидеться, равно как и с Мильгаузенами. С Анной Леонтьевной Чермак (Ламовской) встретился с большим удовольствием. Бывая в Москве, мимо дома в Басманной всегда проезжаю с волнением. Я Вас очень помню. Вы были небольшого росту мальчик с прекрасными большими темными глазами. Жаль, что мы не встретились летом. “Подростка” вышлю моей милой читательнице, дочери Вашей, как только разберусь с моим книжным хламом.— Я сам тоже человек весьма нездоровый с двумя неизлечимыми болезнями, которые очень меня удручают и очень мне дорого стоят: падучей и катарром дыхательных путей (анфиземой) — так что дни мои сам знаю, что сочтены. А между тем беспрерывно должен работать без отдыху.

Жму Вам руку и обнимаю Вас как старого товарища детских лет»[19].

После смерти Достоевского Каченовский прислал 18 февраля 1881 г. письмо А. Г. Достоевской: «… Печальное событие, как Божий гром поразившее всю мыслящую Россию, потрясло меня донельзя. Первою мыслию моею было писать вам, но разве существуют на языке человеческом слова для утешения вас в вашем горе? Если что и может несколько облегчить вашу великую скорбь, то это сознание, что вы были в течение многих лет истинным счастием и радостию

великого человека, мученика правды…»[20]

Всю жизнь Достоевский сохранял также дружеские отношения с Александром Ивановичем Савельевым [20.08(01.09).1816—02(15).04.1907, Петергоф, похоронен в Петербурге], ротным офицером и воспитателем при Главном инженерном училище в Петербурге в годы учения в нем Достоевского. Савельев был довольно интересным человеком: генерал-лейтенант (с 1884 г.), действительный член Русского Археологического и Географического обществ, сотрудник «Военно-энциклопедического лексикона» (с 1841 г.), автор «Материалов к истории инженерного искусства в России», «Алфавитного сборника технических слов, старых и новых, относящихся к военно-инженерному делу», «Исторического очерка инженерного управления в России» (ч. 1 этой книги (СПб., 1879) была в библиотеке Достоевского), многочисленных статей по истории и археологии, печатавшихся в журналах «Древняя и новая Россия», «Русская старина», «Исторический вестник».

В «Русской старине» были опубликованы «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» Савельева[21]. «Я позволяю себе передать в “Русской старине” мои воспоминания о годах молодости Ф. М. Достоевского,— писал Савельев,— времени его пребывания кондуктором (воспитанником) в Главном инженерном училище, где я служил в должности дежурного офицера и знал Федора Михайловича близко и пользовался дружеским его расположением <…> Федор Михайлович вел себя скромно, строевые обязанности и учебные занятия исполнял безукоризненно, но был очень религиозен, исполняя усердно обязанности православного христианина <…> Невозмутимый и спокойный по природе, Федор Михайлович казался равнодушным к удовольствиям и развлечениям его товарищей; его нельзя было видеть ни в танцах, которые бывали в училище каждую неделю, ни в играх в “загонки, бары, городки”, ни в хоре певчих. Впрочем, он принимал живое участие во многом, что интересовало остальных кондукторов, его товарищей. Его скоро полюбили и часто следовали его совету или мнению…»[22].

Дружеские встречи Достоевского с Савельевым продолжались и после каторги и ссылки писателя, во всяком случае, в письме к

герою русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Ф. Ф. Радецкому от 16 апреля 1878 г. Достоевский сообщает, что «нынешней зимой» встретился с «многоуважаемым Александром Ивановичем»[23], а из письма Достоевского к Савельеву от 18 апреля 1878 г., хранящегося в Публичной библиотеке, видно, что писатель бывал у Савельева дома:

«Милостивый государь,

многоуважаемый Александр Иванович,

Письмецо это приготовляю заранее, на всякий случай, то есть ввиду того, что могу не застать Вас дома. Прилагаю при сем и письмо к многоуважаемому Федору Федоровичу [Радецкому]. А за сим Христос воскресе, желаю Вам всего лучшего среди нашего хлопотливого времени. Примите уверения в искреннейшем моем уважении и привязанности.

Ваш покорный слуга

Федор Достоевский»[24].

Одно письмо Достоевского от второй половины января 1878 г., хранящееся в Публичной библиотеке, адресовано Екатерине Прокофьевне Корниловой[25] [1856 — 05(17).06.1878, Петербург], петербургской швее, привлекавшейся в 1876 г. к суду за то, что она выбросила из окна свою падчерицу, которая, однако, осталась жива и не пострадала. В «Дневнике писателя» в 1876 г. Достоевский высказал убеждение, что поступок Корниловой был совершен в состоянии аффекта. Познакомившись с Корниловой, Достоевский принял участие в ее деле, закончившимся оправдательным приговором. Достоевский написал о деле Корниловой большую статью в октябре 1876 г. (в «Дневнике писателя» — глава «Простое, но мудреное дело»): «Подсудимая (довольно приятная лицом женщина) судилась в последнем периоде беременности, так что в зал заседания суда, на всякий случай, была приглашена и акушерка <…>

Вот теперь, как только я прочел о решении судьбы крестьянки Корниловой (в каторгу на два года и восемь месяцев), мне вдруг пришло в голову: вот бы им теперь-то оправдать ее,— вот бы теперь сказать: “не было преступления, не убивала, не вышвыривала из окошка”. Впрочем, не буду пускаться в какие-нибудь отвлечен-

ности или в чувства, чтоб развить мою мысль. Мне *просто* кажется, что тут был даже как бы наизаконнейший повод оправдать подсудимую — а именно — ее беременность.

Всем известно, что женщина во время беременности (да еще первым ребенком) бывает весьма часто даже подвержена иным странным влияниям и впечатлениям, которым странно и фантастично подчиняется ее дух <…>

А неужели нельзя теперь смягчить как-нибудь этот приговор Корниловой? Неужели никак нельзя? Право, тут могла быть ошибка… Ну так вот и мерещится, что ошибка!»[26]

Достоевский несколько раз посетил Корнилову в Доме предварительного содержания преступников и написал об этом в главе «Опять о простом, но мудреном деле» в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «… С Корниловой я пробыл в первый раз минут двадцать: это миловидная, очень молодая женщина, с взглядом интеллигентным, но очень даже простодушная. Сначала, минуты две, она была несколько удивлена моим приходом, но быстро поверила, что видит подле себя *своего*, ей сочувствующего, каким я и отрекомендовался ей при входе, и стала со мной совсем откровенна <…> Она говорила со мной не то что как с ровным, а почти как с своим <…> Неужели ж нельзя оправдать, *рискнуть* оправдать?»[27]

Только благодаря статьям Достоевского в «Дневнике писателя» прежний приговор по делу Корниловой был кассирован и 22 апреля 1877 г., когда вторично решалось ее дело с новым составом суда и присяжных заседателей, Корнилова была оправдана. Достоевский посвятил этому статью «Освобождение подсудимой Корниловой» в апрельском «Дневнике писателя» за 1877 г. и главу первую «Заключительное разъяснение одного прежнего факта» в декабрьском «Дневнике писателя» за 1877 г. В этом же «Дневнике» в главе «Один случай, по-моему, довольно много разъясняющий» Достоевский пишет о том, как Корнилова вместе с мужем приехали к нему 25 апреля 1877 г. на третий день после оправдательного приговора, а через шесть месяцев Достоевский сам заехал на квартиру к Корниловой[28].

Одним из любимейших произведений Достоевского всегда оставался роман Виктора Гюго «Отверженные». Об этом свидетельствует

хранящееся в Публичной библиотеке письмо Достоевского к писателю, историку литературы и педагогу Александру Петровичу Милюкову [30.07(11.08).1816, г. Козлов Тамбов. губ.— 06(18).02.1897, Петербург] от 2 января 1863 г.:

«Любезнейший Александр Петрович,

Нет ли у Вас, *Христа ради*, “Les Misérables” (Hugo) не более как на день или на два? Если нет всего, то хоть начала? Нет начала, то хоть из середины или что-нибудь? Нет по-французски, так хоть в каком бы то ни было русском переводе. Мне это надобно для одного соображения, компонирую статью. Простите, что беспокою Вас так поздно.

Ваш весь Ф. Достоевский»[29].

Достоевский познакомился с Милюковым на вечерах у поэта А. Н. Плещеева в Петербурге зимой 1847—1848 гг.[30] На одном из собраний кружка С. Ф. Дурова Милюков прочел свой перевод введения к книге «Слова верующего» Ф. Р. де Ламенне. В связи с тем, что имя де Ламенне всплывало в показаниях петрашевцев, Милюков в августе 1849 г. привлекался следственной комиссией к допросу, но ни арестован, ни привлечен к суду не был, хотя за ним и был установлен секретный надзор.

Известность в литературных кругах Милюков получил после выхода в 1848 г. книги «Очерк истории русской поэзии» (по поводу второго издания книги Н. А. Добролюбов написал статью «О степени участия народности в развитии русской литературы»).

22 декабря 1849 г. Милюков сопровождал старшего брата писателя М. М. Достоевского во время прощания с Достоевским и С. Ф. Дуровым в Петропавловской крепости, писал Достоевскому в 1858—1859 гг. в Семипалатинск и Тверь, стараясь привлечь писателя к сотрудничеству в организуемом им журнале «Светоч», а в декабре 1859 г. Милюков встречал возвращающегося после десяти лет каторги и ссылки Достоевского на Николаевском вокзале в Петербурге.

С этого времени возобновились их прежние приятельские отношения. В пятом номере журнала «Светоч» за 1862 г. Милюков опубликовал статью «Преступные и несчастные» о «Записках из Мертвого

дома»[31]. В 1863—1864 гг. Милюков сотрудничал в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». В октябре 1866 г. Достоевский благодаря Милюкову познакомился с А. Г. Сниткиной, ставшей второй женой писателя А. Г. Достоевской[32].

Однако духовной близости между Достоевским и Милюковым не было. В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской приводятся слова Достоевского об одной газетной заметке: «<…> судя по пошловатому тону рассказа дело не обошлось без А. П. Милюкова»[33]. В заграничный период (1867—1871) Достоевский не написал Милюкову ни одного письма и несколько раз отзывался о нем резко из-за его связи с некоей Нарден (m-me Nardin) и о дурном отношении ее к дочерям Милюкова[34].

В 1881 г. в «Русской старине» (№ 3, 5) были опубликованы воспоминания Милюкова о Достоевском, вошедшие затем в книгу Милюкова «Литературные встречи и знакомства»[35],— замечательные во многих отношениях воспоминания, хотя Милюков и не упоминает о некоторой отчужденности между собой и Достоевским, возникшей в связи с Нарден и дочерьми.

Значительный интерес представляет хранящееся в Публичной библиотеке письмо Достоевского к читательнице Е. Н. Лебедевой от 8 ноября 1879 г., в котором писатель рассказывает ей о дальнейшем сюжете «Братьев Карамазовых», печатавшихся в «Русском вестнике»:

«… Старика Карамазова убил слуга Смердяков. Все подробности будут выяснены в дальнейшем ходе романа. Иван Федорович участвовал в убийстве лишь косвенно и отдаленно, единственно тем, что удержался (с намерением) образумить Смердякова во время разговора с ним перед своим отбытием в Москву и высказать ему ясно и категорически свое отвращение к замышляемому им злодеянию (что видел и предчувствовал Ив<ан> Ф<едорови>ч ясно) и таким образом *как бы позволил* Смердякову совершить это злодейство. *Позволение* же Смердякову было необходимо, впоследствии опять-таки объяснится, почему. Дмитрий Федорович в убийстве отца совсем невинен.

Когда Дмитрий Карамазов соскочил с забора и начал платком вытирать кровь с головы раненного им старика слуги, то этим са-

мым и словами: “Попался старик” и проч. как бы сказал уже читателю, что он *не* отцеубийца. Если б он убил отца и 10 минут спустя Григория, то не стал бы слезать с забора к поверженному слуге, кроме разве того, чтоб убедиться: уничтожен ли им важный для него свидетель злодеяния. Но он, кроме того, как бы сострадает над ним, говорит: попался старик и проч. Если б отца убил, то не стоял бы над трупом слуги с жалкими словами. Не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя…»[36].

В Публичной библиотеке хранится также небольшое деловое письмо Достоевского к цензору журнала «Эпоха» Феодосию Феодоровичу Веселаго[37] [23.03(04.04).1817, Роченсальм — 17(29).10.1895, Петербург], впоследствии генерал-лейтенанту (с 1892 г.), историку русского флота, почетному члену Российской Академии Наук (с 1884 г.).

Одним из самых драгоценных автографов Публичной библиотеки является письмо Достоевского от 14 декабря 1856 г. из Семипалатинска к замечательному казахскому просветителю, путешественнику, историку, этнографу и фольклористу Чокану Валиханову [1835, урочище Кушмурун, Казахстан — окт. 1865, урочище Алтынэмель, там же]. Их знакомство в начале 1854 г. в Омске перешло в тесную дружбу и Достоевский неоднократно встречается с Валихановым в Семипалатинске в 1856 г.

Именно в письме от 14 декабря 1856 г. Достоевский признается Валиханову: «Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам…»[38]. В этом же письме Достоевский предсказал Валиханову великое будущее: «Лет через 7, 8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм<ер>: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине *просвященным* ходатайством за нее у русских»[39].

В Публичной библиотеке хранится также письмо Достоевского

от 15 апреля 1876 г. к поэту, прозаику, историку литературы и библиографу Петру Васильевичу Быкову [20.10 (01.11).1844, Севастополь — 22.10.1930, г. Пушкин, под Ленинградом], которое является ответом на его письмо от 18 марта 1876 г.: «Благодарю Вас сердечно за Ваши хорошие слова обо мне. Что касается до Вашего предложения прислать Вам мою точную биографию, то прямо Вам заявляю, что в настоящее время к тому не способен. Это возьмет у меня много времени и даже труда, и для меня это не так легко, как Вы думаете. Вследствие падучей моей болезни, которая, впрочем, почти уже меня не беспокоит, я отчасти потерял память и — верите ли — забыл (буквально забыл, без малейшего преувеличения) сюжеты моих романов и лица, выведенные, даже "Преступление и наказание". Тем не менее общую-то связь жизни моей помню»[40].

К 1861 г. относится знакомство Достоевского с поэтом, прозаиком, переводчиком и журналистом Федором Николаевичем Бергом [12(24).09.1839, с. Титово Пензен. губ.— 04(17).04.1909, Москва], о чем свидетельствует письмо Берга к Достоевскому от 8 июля 1861 г.: «Честное слово, это не будет фразой, если я скажу Вам, что редко бываю так взволнован и изумлен, как вчера, получив письмо Платона Александровича [Кускова.— С. Б.], в котором он описывает мне, как возмутила Вас моя статейка. Я надеюсь, что объяснения мои будут удовлетворительны, потому что мне предстоит говорить только правду. При тех чувствах самого искреннего и глубокого уважения, которое я к Вам питаю, при тех немногих и оставивших во мне приятное впечатление отношениях, в которых мы с Вами были, право, не может существовать и мысли об каких-нибудь намеках на Вас. Хотя у меня нет черновой несчастной статейки, но я как нарочно помню злополучные места, возбудившие недоразумение, и удивляюсь, как тут могли быть какие-нибудь недоразумения? Там стоит: *не может пустой фат, унижающий и оскорбляющий, быть поэтом "Униженных и оскорбленных"*. Но, Федор Михайлович, Вы же ведь и написали "Униженных и оскорбленных", значит нечего толковать о том, что *можно*, когда уже это *есть* на деле. Виновато проклятое неуменье выражаться. Меня, ей-богу, оскорбляет уже эта мысль допустить возможность подобного намека. С какой стати? Откуда я мог какие сведения получить? Неужели можно такие

вещи говорить с ветру, со слухов? Единственный человек, от которого я в последнее время слышал о Вас, это Платон Александрович — все, что я от него слышал, могло только разве увеличить мое уважение к Вам и подтвердить впечатление, оставленное во мне нашим знакомством…»[41].

В ответ Достоевский 12 июля 1861 г. послал Бергу извинительное письмо, хранящееся ныне в Публичной библиотеке: «… Мне чрезвычайно неприятно и совестно, что я принял в другом смысле то место Вашей статьи, где говорилось об “Унижен<ных> и оскорб<ленных>”. Сделайте одолжение, извините меня. Воображаю, как Вам было это даже обидно. Ваше письмо вполне меня разуверило и нагнало на меня сильное раскаяние. Одно, что скажу в свое оправдание: что действительно в статье Вашей это место было написано так неясно, что можно было ошибиться. Я бы ни за что не ошибся: но так как Вы тут же браните и Григорьева (а Вы его таки браните и довольно зло), то мне и пришло в голову: если посылается в журнал статья, опровергающая этот же журнал и где зацепляются его сотрудники, то, пожалуй, могло случиться и всё остальное. Соглашаюсь, что я глупейшим образом ошибся и прошу у Вас, от всего сердца, извинения»[42].

Небольшое деловое письмо Достоевского от 4—6 октября 1873 г. к метранпажу в петербургской типографии А. И. Траншеля Михаилу Александровичу Александрову [1844 — 17(30).03.1902, Петербург], хранящееся в Публичной библиотеке, связано с печатанием в этой типографии газеты «Гражданин», редактором которой был Достоевский[43]. Случайное знакомство Достоевского с Александровым в конце 1872 г. перешло в близкие отношения. Александров оставил пронзительно искренние и достоверные воспоминания «Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881»[44].

Непросто складывались отношения Достоевского с драматургом, прозаиком, театральным критиком и публицистом Дмитрием Васильевичем Аверкиевым [30.09(12.10), по другим сведениям — 11(23).11.1836, Екатеринодар — 7(20).01.1905, Петербург], с которым Достоевский познакомился в 1861 г. В 1864 г. Аверкиев стал

деятельным сотрудником «Эпохи», в которой, кроме различных статей, была опубликована его пьеса в стихах «Мамаево побоище». Достоевский чрезвычайно высоко оценил «Комедию о российском дворянине Фроле Скобееве» Аверкиева[45].

В феврале 1867 г. Аверкиев был свидетелем на свадьбе Достоевского. В 1871 г. Аверкиев переехал в Москву и опубликовал свою наиболее известную драму «Каширская старина». Бывая в Москве, Достоевский навещал Аверкиева. Однако за внешними, вполне дружескими отношениями Достоевского и Аверкиева скрывались определенные расхождения, заключающиеся в том, что консерватизм Достоевского, в чем он, кстати, сходился с Аверкиевым, всегда имел определенную нравственную черту, которую Достоевский никогда не переходил. Расхождения проявились в 1877 г., когда Достоевский, по просьбе Аверкиева, безуспешно пытался начать переговоры о публикации его комедии «Непогрешимые» в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова.

По этому поводу известны два письма Достоевского к Аверкиеву от 5 ноября 1877 г. и 18 ноября 1877 г., хранящиеся в Публичной библиотеке[46]. Попытка Достоевского закончилась неудачей, так как на его вопрос, что думают М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов об Аверкиеве «как о писателе», Некрасов «прямо, с первого слова сказал: "Что же думать о человеке, который, сколько он там лет пишет, только и делал, что кричал и говорил против нас и того направления, которому мы служили?"»[47]

Эти расхождения между Достоевским и Аверкиевым уловила в своих воспоминаниях Е. А. Штакеншнейдер, рассказывающая о встрече с писателем 15 октября 1880 г.: «Достоевский прочел изумительно “Пророка”. Все были потрясены, исключая Аверкиевых; впрочем, шальные люди в счет не входят. На них теперь нашла такая полоса, что они всё бранят Достоевского <…> “Сознать свое существование, мочь сказать: Я есмь! — великий дар,— говорил Достоевский,— а сказать: меня нет,— уничтожиться для других, иметь и эту власть, пожалуй, еще выше”.

Тут Аверкиев, которого с некоторых пор точно укусила какая-то враждебная Достоевскому муха, сорвался с места и говорит:

“Это, конечно, великий дар, но его нет и не было ни у кого, кроме одного, но тот был Бог”. Достоевский стал ему возражать <…> Не успел он уехать, как Аверкиевы на него напали за “Пророка”, между прочим. Не так его, видите ли, надо читать»[48].

В самом конце 1870-х гг. Достоевский познакомился с писательницей, певицей и композитором Юлией Федоровной Абазой [1830 — 28.04(11.05).1915, Москва], он был у нее на вечерах 12 февраля 1880 г. и 15 марта 1880 г.[49] В письме к С. А. Толстой от 13 июня 1880 г. Достоевский передает Абазе «глубокий <…> от меня поклон и всевозможные пожелания, потому что я ее *очень* люблю»[50].

Известно одно письмо Достоевского к Абазе от 15 июня 1880 г., хранящееся в Публичной библиотеке, в котором он высказывается по еврейскому вопросу, по поводу повести Абазы и о фантастическом в искусстве: «… Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал “Пиковую даму” — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов <…> Вот это искусство!…»[51]

В Публичной библиотеке сохранились также черновики писем Достоевского от 13 февраля 1863 г. к московскому издателю Николаю Михайловичу Щепкину, сложившему с себя обязанности агента и члена-корреспондента в Москве Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, и от 6 марта 1863 г. к московскому издателю и книгопродавцу Александру Ильичу Глазунову, которого писатель просит принять на себя эти обязанности[52].

Некоторые автографы Достоевского в Публичной библиотеке связаны с его деятельностью на посту секретаря Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), в частности, его письма к председателю Общества Е. П. Ковалевскому[53].

В Публичной библиотеке имеется следующий автограф: на шмуцтитуле книги «Идиот» (СПб.: Тип. К. Замысловского, 1874. Т. 1,

ч. 1—2) есть дарственная надпись: «Всеволоду Сергеевичу Соловьеву в знак памяти от автора».

Знакомство и дружба с молодым критиком и писателем, братом Вл. С. Соловьева Всеволодом Сергеевичем Соловьевым [01(13).01.1849, Москва — 20.10(02.11).1912, там же] принадлежит к самым светлым страницам в жизни Достоевского. 28 декабря 1872 г. Всеволод Соловьев написал восторженное письмо Достоевскому: «Вы играете в моей жизни громадную роль — бывают минуты, когда я дышу Вами. Как часто обращался я к Вам за решением трудных вопросов и Вы всегда отвечали мне; бывали случаи, когда я додумывался до некоторых мыслей, не имея, однако, силы выразить их словами, и потом находил эти мысли в творениях Ваших, выраженных Вашим могучим словом <…> Вас ставят в числе лучших русских писателей, на “Преступление и наказание” указывают как на одно из первых произведений за последнее время — да, но все же оценка Вашего таланта еще впереди…»[54].

2 января 1873 г. состоялась первая встреча Достоевского и Соловьева, о содержании которой Соловьев по свежим следам записал в своем дневнике[55]. О своих встречах с Достоевским Соловьев рассказал в своих необыкновенно теплых «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском», напечатанных в «Историческом вестнике»[56].

31 января 1873 г., в письме к своей племяннице С. А. Ивановой, посылая к ней Соловьева, Достоевский характеризует его следующим образом: «Я с ним недавно познакомился и при таких особенных обстоятельствах, что не мог не полюбить его сразу <…> Если б Всев<олод> Соловьев был из обыкновенных моих знакомых, я бы к Вам не прислал его лично. Он довольно теплая душа»[57].

В 1875—1876 гг. Соловьев в качестве критика сочувственно и высоко оценил роман «Подросток»[58] и, разделяя основные убеждения Достоевского, Соловьев приветствовал как значительное событие «Дневник писателя» 1876 г.[59]

Особую ценность представляет хранящиеся в Отделе рукописей Публичной библиотеки черновой автограф «Дневника писателя» (Единственный выпуск 1880 года. 1. Речь о Пушкине. 2. Объяснительное

слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. 3. Г-ну А. Градовскому (в ответ на его критику моей «Речи»)) и автограф с поправками наборной рукописи «Дневника писателя» (Единственное издание 1881. Январь. Глава первая).

Первый из них представляет спор между монархистом-христианином Достоевским и либералом-западником Александром Дмитриевичем Градовским [13(25).12.1841, Валуй. уезд Воронеж. губ.— 06(18).11.1889, Петербург], который в статье «Мечты и действительность» («Голос», 1880, 25 июня) подверг критике христианский аспект «Речи о Пушкине» Достоевского. В ответе Градовскому в «Дневнике писателя» («Единственный выпуск на 1880 год», август) Достоевский резко отверг либеральную программу профессора Градовского, высмеяв его «западнические представления» о народе, который, по мнению Достоевского, «просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его»[60].

Второй автограф — наборная рукопись с поправками «Дневника писателя» за январь 1881 г. — это последнее печатное слово Достоевского, его завещание, исполненное жгучей тревогой писателя за будущее историческое развитие России, русского народа.

Глава III
ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В Публичной библиотеке хранятся прижизненные издания Ф. М. Достоевского, имеющие особую издательскую и цензурную судьбу, представляющие собой образцы полиграфического искусства, содержащие пометы, автографы, посвящения, владельческие надписи,— всего 73 названия. Список этих изданий помещен в приложении 2. Тем не менее, в библиотеке отсутствует третье издание романа «Униженные и оскорбленные», выпущенное Ф. Т. Стелловским в Санкт-Петербурге в 1866 г.: оно отмечается в указателе А. Г. Достоевской «Музей памяти Федора Михайловича Достоевского…»[1] и в книге Л. П. Гроссмана «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского…»[2]. Утрачено первое отдельное издание романа «Преступление и наказание», вышедшее в двух томах в Санкт-Петербурге в 1867 г. в издательстве А. Базунова, Э. Праца, Я. Вейденштрауха и напечатанное в типографии П. Безобразова и К°.

Известно, что в 1865 г. Достоевский, измученный принятыми на себя долгами по журналам «Время» и «Эпоха», которые оставил его внезапно умерший брат, заключил кабальный договор с петербургским издателем Ф. Т. Стелловским, который за небольшую плату писателю получил возможность выпустить полное собрание его сочинений. Кроме того, Достоевский обязался к 1 ноября 1866 г. предоставить Стелловскому новый роман — в противном случае он терял на девять лет права на все свои литературные произведения.

Так в 1865—1870 гг. появилось первое Полное собрание сочинений Достоевского в четырех томах. Но взаимоотношения Достоевского со Стелловским приобрели натянутый характер и о них следует сказать особо, так как большинство прижизненных изданий Достоевского в Публичной библиотеке составляют издания Стелловского.

Петербургский издатель, книгопродавец и типограф Федор Тимофеевич Стелловский [1826, Москва — 15(27).04.1875, Петербург]

воспитывался в Московском Лазаревском институте восточных языков. В 1850-х гг. Стелловский стал крупнейшим музыкальным издателем в России, активным пропагандистом русской музыки, в первую очередь сочинений М. И. Глинки (в 1857 г. Стелловский приобрел право собственности на все его сочинения). Стелловский впервые напечатал партитуры лучших русских опер («Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» М. И. Глинки, «Русалка» А. С. Даргомыжского и др.), издал множество романсов и песен русских композиторов и популярные произведения зарубежных композиторов (В. А. Моцарта, Дж. Верди, К. Вебера и др.).

В 1860-е гг. Стелловский расширил профиль своего издательства, выпуская сочинения современных русских беллетристов. В 1861—1870 гг. Стелловский выпустил серию «Собрания сочинений русских авторов», в которой вышли первые собрания сочинений А. Ф. Писемского (1861—1867. Т. 1—4), Л. Н. Толстого (1864. Ч. 1—2), Достоевского (1865—1870. Т. 1—4) и др. Стелловский был также издателем «Музыкального и театрального вестника» (1858—1860), газеты «Русский мир» (1860—1862), еженедельника «Якорь» (1863—1865).

Издательская деятельность Стелловского носила коммерческий характер, причем это касалось не издательского репертуара, а самых методов ведения издательского дела. С одной стороны, Стелловский действительно издавал сочинения русских композиторов и писателей, а с другой — выпускал эти сочинения на весьма невыгодных условиях для писателей и композиторов, подстерегая их в тяжелые минуты жизни, когда они были согласны на любые условия. Например, Стелловский выпустил произведения А. Ф. Писемского, В. В. Крестовского, Достоевского на очень невыгодных для них условиях, а сочинения М. И. Глинки Стелловский купил в 1861 г. всего за 25 рублей у его сестры Л. И. Шестаковой. По этому поводу Достоевский писал своему другу поэту А. Н. Майкову 19 (31) марта 1871 г.: «денег у него столько, что он купит всю русскую литературу, если захочет. У того ли человека не быть денег, который всего Глинку купил за 25 целковых»[3].

В 1866 г. между Стелловским и Л. И. Шестаковой начался дол-

гий судебный процесс по вопросу о выполнении договора (отчеты о процессе печатались в «Голосе» и «Санкт-Петербургских Ведомостях»[4]). Л. И. Шестакова вспоминала: «… Цель моя после смерти брата всегда состояла в том, чтобы стараться распространить его музыку. Для этого сделала я условие с г. Стелловским, по которому передала ему все непроданные прежде братом и мною сочинения за 25 руб. Цифра эта была назначена потому, что без оценки я не могла сделать формального акта: всякий, кто хотя немного знает дело, поймет это. Вслед за этими 25 руб. в условии было сказано, что я обязана дать г. Стелловскому 1000 р., по представлении мне в назначенное время корректур, чтобы основательно исправить их и не допускать в печати искажений или пропусков. Давала же я г. Стелловскому 1000 р. потому, что очень хорошо знала, что печатание партитур опер брата ему не могло принести большой выгоды, так как немногие покупают подобные вещи. Видя, что прошел срок условия, а г. Стелловский не исполняет его, я хотела ускорить это дело, но он, согласившись сначала поручить М. А. Балакиреву печатание опер за границей, на весьма выгодных мною ему предложенных условиях, вдруг неожиданно вместо того начал со мною процесс, который кончился не в пользу г. Стелловского. Жаль, что из-за всех этих дрязг страдает музыка брата. Но партитура “Руслана” должна быть напечатана и будет. Это лучшая и любимая опера брата»[5].

Хотя Стелловский издал четырехтомное собрание сочинений Достоевского, а также выпустил отдельно целый ряд его произведений, однако знакомство со Стелловским (скорее всего, оно произошло в начале 1865 г.) принадлежит к самым тяжелым страницам в жизни писателя. О знакомстве со Стелловским и о контракте с ним Достоевский рассказал в письме к своей знакомой А. В. Корвин-Круковской от 17 июня 1866 г.: «Прошлого года я был в таких плохих денежных обстоятельствах, что принужден был продать право издания всего прежде написанного мною, на один раз, одному спекулянту, Стелловскому, довольно плохому человеку и ровно ничего не понимающему издателю. Но в контракте нашем была статья, по которой я ему обещаю для его издания приготовить роман, не менее 12-ти печатных листов, и если не доставлю к 1-му ноября 1866-го

г. (последний срок), то волен он, Стелловский, в продолжении девяти лет издавать даром, и как вздумается, все, что я ни напишу безо всякого мне вознаграждения. Одним словом, эта статья контракта совершенно походила на те статьи петербургских контрактов при найме квартир, где хозяин дома всегда требует, что если у жильца в его доме произойдет пожар, то должен этот жилец вознаградить все пожарные убытки и, если надо, выстроить дом заново. Все такие контракты подписывают, хоть и смеются, так и я подписал. 1-е ноября через 4 месяца; я думал откупиться от Стелловского деньгами, заплатив неустойку, но он не хочет. Прошу у него на три месяца отсрочки — не хочет и *прямо* говорит мне: что так как он убежден, что уже теперь мне *некогда* написать роман в 12 листов, тем более что я еще в "Русский вестник" написал только что разве половину, то ему выгоднее не соглашаться на отсрочку и неустойку, потому что тогда все, что я ни напишу впоследствии, будет его.

Я хочу сделать небывалую и эксцентрическую вещь: написать в 4 месяца *30* печатных листов, в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой вечером и кончить к сроку»[6].

Хитрый издатель был уверен, что Достоевский не сдаст роман (это был «Игрок») к 1 ноября 1866 г. Он прекрасно знал, что Достоевский больной человек, что эпилептические припадки, которые были раз или два в месяц, выбивали писателя из обычной колеи, не давая ему возможности заниматься творческой работой. Но все же главную ставку расчетливый издатель делал не на болезнь Достоевского и не на его долговые обязательства, хотя они и были очень тяжелыми. Прежде чем подписать с Достоевским контракт, Стелловский успел через своих агентов выяснить, что писатель уже работает над романом «Преступление и наказание» для журнала «Русский вестник» и писать одновременно другой роман не сможет.

Стелловский рассчитал все правильно. Он только не рассчитал одного, а вернее, просто не понял, что имеет дело с гением такой гигантской, нечеловеческой силы, как Достоевский. Чтобы избавиться от грозившей ему долговой тюрьмы и нищеты, писатель решается на невероятный шаг: писать одновременно два романа. Вторым романом предполагался «Игрок». Всю вторую половину 1865 г. и пер-

вые девять месяцев 1866 г. Достоевский усиленно работал над «Преступлением и наказанием». И дело не только в том, что он честно выполнил свои обязательства перед редакцией «Русского вестника». Достоевский прекрасно понимал, что рождается его первое гениальное произведение, что ничего из того, что он написал до «Преступления и наказания», не может идти ни в какое сравнение с этим романом. Вот почему он с таким вдохновением работал над «Преступлением и наказанием», забывая порой, что приближается 1 ноября 1866 г. — срок сдачи нового романа Стелловскому.

Достоевского спасла двадцатилетняя стенографистка Анна Григорьевна Сниткина. Только с ее помощью Достоевский совершил писательский подвиг: за 26 дней создал роман «Игрок» в десять печатных листов и Сниткина стала его второй женой Анной Григорьевной Достоевской[7].

А. Г. Достоевская спасла Достоевского и вторично, в момент сдачи рукописи Стелловскому. «Подходило 1 ноября, срок доставки романа Стелловскому,— вспоминает А. Г. Достоевская,— и у Федора Михайловича возникло опасение, как бы тот не вздумал схитрить, и, с целью взять неустойку, отказаться под каким-нибудь предлогом от получения рукописи. Я успокаивала Федора Михайловича, как могла, и обещала разузнать, что следует ему сделать, если бы его подозрения оправдались. В тот же вечер я упросила мою мать съездить к знакомому адвокату. Тот дал совет сдать рукопись или нотариусу, или приставу той части, где проживает Стелловский, но, разумеется, под расписку официального лица. То же самое посоветовал ему и мировой судья Фрейман <…>, к которому Федор Михайлович обратился за советом»[8].

Достоевский был спасен от разорения, но его процесс со Стелловским, начавшийся в 1870 г., о взыскании с издателя неустойки[9], затянулся до 1875 г., то есть до самой смерти Стелловского[10]. А. Г. Достоевская вспоминает: «В конце 1870 года выяснилось одно обстоятельство, благодаря которому мы имели возможность получить значительную для нас сумму, именно: Стелловский, купивший у Федора Михайловича права на издание полного собрания его сочинений в 1865 году, теперь издал в отдельном издании роман “Пре-

ступление и наказание”. Согласно договору, Стелловский обязан был уплатить мужу свыше тысячи рублей. И вот роман был уже издан, а издатель ничего не хотел платить, хотя пасынок мужа и заявлял ему, что имеет доверенность на получение денег [Достоевский с Анной Григорьевной жили в это время за границей.— С. Б.]. Не надеясь на опытность пасынка, Федор Михайлович просил А. Н. Майкова взять на себя труд получения этих денег, не на себя лично, а поручить дело опытному присяжному поверенному»[11].

В записной тетради Достоевского 1876—1877 гг. есть иронические строки: «*Стелловский*. Этот замечательный литературный промышленник кончил тем, что сошел с ума и умер»[12]. Возможно, Достоевский описал Стелловского под именем «купца Шелопаева» в «Преступлении и наказании»[13], но скорее всего, он заклеймил его навечно в образе Лужина в этом же романе.

Стремясь получить как можно больше дохода от издания сочинений Достоевского и одновременно стараясь удовлетворить «современной потребности образования полных библиотек, как публичных, так и частных», Стелловский приступил к изданию небольших по объему произведений писателя, особенно докаторжного периода. И здесь прижизненные издания Достоевского, хранящиеся в Публичной библиотеке, помогают существенно дополнить научный комментарий к Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского в тридцати томах (Л., 1972—1990).

Дело в том, что многие произведения Достоевского, напечатанные впервые Стелловским, в примечаниях к 30-томному собранию сочинений или вообще не указываются, или приводятся как выпуски, хотя это были самостоятельные, *отдельные* издания Ф. Т. Стелловского[14].

Анна Григорьевна Достоевская, собиравшая все издания произведений писателя для комнаты Достоевского при Московском историческом музее, отмечает в своем указателе данные издания Стелловского в качестве самостоятельных отдельных изданий. Текстологам будущих изданий сочинений Достоевского следует обращаться и к этим изданиям Стелловского, сохранившимся в Публичной библиотеке, так как они были просмотрены при подготовке к печати самим

писателем.

Сочинения Достоевского в двух томах, напечатанные издателем Н. А. Основским в Москве в 1860 г., попали в Публичную библиотеку из Педагогического института им. А. И. Герцена. Этот экземпляр, в котором оба тома переплетены в один, имеет экслибрис «Библиотека А. М. Троицкого». Издание Основского любопытно тем, что сам Достоевский не включил в него раннюю повесть «Двойник», посчитав, что она нуждается в переработке.

Еще до выхода из печати своего первого произведения «Бедные люди» Достоевский писал брату в октябре и ноябре 1845 г.: «О “Бедных людях” говорит уже пол-Петербурга»; «Никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь»[15]. «Бедные люди» впервые появились в «Петербургском сборнике», который издал в 1846 г. Н. А. Некрасов. Объявление о выходе этого сборника с первым произведением Достоевского появилось в «Северной пчеле»: «В магазине русских книг Ильи Петровича Лоскутова (бывш. А. И. Зайкина), состоящем против Гостиного двора, подле Императорской Публичной библиотеки, поступил в продажу “Петербургский сборник”, изданный Н. Некрасовым. С политипажными рисунками. СПб., 1846. Цена 4 руб. сер., с пересылкой 4 р.50 к.»[16]. Таким образом, ценность этого издания определяется не только тем, что в нем участвовали Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Искандер, И. И. Панаев, В. Ф. Одоевский, А. Н. Майков, А. В. Никитенко, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, В. А. Соллогуб, но и тем, что в нем имеются политипажные рисунки.

С именем Некрасова связано издание еще ряда произведений Достоевского, имеющихся в Публичной библиотеке, и на взаимоотношениях писателя и поэта стоит остановиться подробнее.

Достоевский познакомился с Некрасовым в мае 1845 г. О своей первой встрече с Некрасовым Достоевский вспоминал в январском «Дневнике писателя» за 1877 г.: «Прочел я “Последние песни” Некрасова в январской книге “Отечественных записок” <…> Странно бывает с людьми; мы в жизнь нашу редко видались, бывали между нами и недоумения, но у нас был один такой случай в жизни, что я никогда не мог забыть о нем. Это именно наша первая встреча друг

с другом в жизни. И что ж, недавно я зашел к Некрасову, и он, больной, измученный, с первого слова начал с того, что помнит об тех днях. Тогда (это тридцать лет тому!) произошло что-то такое молодое, свежее, хорошее,— из того, что остается навсегда в сердце участвовавших. Нам тогда было по двадцати с немногим лет. Я жил в Петербурге, уже год как вышел в отставку из инженеров, сам не зная зачем, с самыми неясными и неопределенными целями. Был май месяц сорок пятого года. В начале зимы я начал вдруг "Бедных людей", мою первую повесть, до тех пор ничего ещё не писавши. Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Д. В. Григоровича, да тот и сам еще ничего тогда не написал, кроме одной маленькой статейки "Петербургские шарманщики" в один сборник. Кажется, он тогда собирался уехать на лето к себе в деревню, а пока жил некоторое время у Некрасова. Зайдя ко мне, он сказал: "Принесите рукопись" (сам он еще не читал ее); "Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу". Я снес, видел Некрасова минутку, мы подали друг другу руки. Я сконфузился от мысли, что пришел с своим сочинением, и поскорей ушел, не сказав с Некрасовым почти ни слова. Я мало думал об успехе, а этой "партии "Отечественных записок", как говорили тогда, я боялся. Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным и — "осмеет он моих "Бедных людей"!" — думалось мне иногда <…>

Воротился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: "С десяти страниц видно будет". Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал. "Читает он про смерть студента,— передавал мне потом уже наедине Григорович,— и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у Некрасова голос

прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи: “Ах, чтоб его!” Это про вас-то, и этак мы всю ночь”. Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: “Что ж такое, что спит, мы разбудим его, *это* выше сна!” Потом, приглядевшись к характеру Некрасова, я часто удивлялся той минуте: характер его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный. Так, по крайней мере, он мне всегда казался, так что та минута нашей первой встречи была воистину проявлением самого глубокого чувства. Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы Бог знает сколько переговорили, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о “тогдашнем положении”, разумеется, и о Гоголе, цитируя из “Ревизора” и из “Мертвых душ”, но, главное, о Белинском. “Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите,— да ведь человек-то, человек-то какой! Вот вы познакомитесь, увидите, какая это душа”! — восторженно говорил Некрасов, тряся меня за плечи обеими руками. “Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!” Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно: “У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна… Ах хорошо!” Вот что я думал, какой тут сон! <…>

Я это все думал, я припоминаю эту минуту в самой полной ясности. И никогда потом я не мог забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом. Теперь еще вспоминаю ее каждый раз с восторгом. И вот, тридцать лет спустя, я припомнил всю эту минуту опять, недавно, и будто вновь ее пережил, сидя у постели больного Некрасова. Я ему не напоминал подробно, я напомнил только, что были эти тогдашние наши минуты, и увидал, что он помнит о них и сам. Я и знал, что помнит»[17].

Эта первая встреча с Некрасовым, о которой Достоевский «никогда не мог забыть», эта «самая восхитительная минута во всей» его «жизни» и предопределила в конечном итоге всю историю его взаимоотношений с Некрасовым, хотя история эта носила нередко

конфликтно-драматический характер. Кроме «Бедных людей», которые печатались в издаваемом Некрасовым «Петербургском сборнике», Достоевский написал также объявления для задуманного Некрасовым альманаха «Зубоскал».

Однако первоначальные дружеские отношения сменились охлаждением, связанным главным образом с изменившимся отношением В. Г. Белинского и его кружка к Достоевскому. Свою новую повесть «Хозяйка» Достоевский отдает не в «Современник», где до этого печатался его небольшой рассказ «Роман в девяти письмах», а в «Отечественные записки» А. А. Краевскому. Однако разрыва между Достоевским и Некрасовым все же не произошло, и Достоевский продолжает печатать отдельные произведения в некрасовских изданиях: «Роман в девяти письмах» в «Современнике», рассказ «Ползунков» в «Иллюстрированный альманахе».

После возвращения Достоевского из каторги и ссылки в Петербург Некрасов указал ему на поэму «Несчастные» (1856) как на произведение, написанное с мыслями о нем[18]. Некрасов печатается в журнале братьев Достоевских «Время», однако в дальнейшем, главным образом из-за воинственно настроенных ведущих сотрудников «Времени» Н. Н. Страхова и Ап. А. Григорьева, а с другой стороны, с приходом в «Современник» такого острого и непримиримого полемиста-сатирика, как М. Е. Салтыков-Щедрин, идейная борьба между «Временем» (позднее «Эпохой») и «Современником» заметно усилилась и приняла чрезвычайно острые формы. Это, естественно, не могло не сказаться и на ухудшении отношений между Некрасовым и Достоевским, однако враждебными их отношения не были никогда.

Только через тридцать лет после первой встречи Достоевский снова сблизился с Некрасовым. Это связано с публикацией в 1875 г. в «Отечественных записках» романа «Подросток».

Тридцать лет назад Некрасов провел бессонную ночь над первым произведением Достоевского «Бедные люди». Через тридцать лет ситуация повторяется: Некрасов всю ночь читает «Подростка»[19]. После пятнадцатилетней жестокой журнальной полемики и идейной вражды друзья юности снова сближаются. Это было, конечно, не идей-

ное сближение,— слишком велика была разница между православным монархистом Достоевским и поэтом, осмысливающим народную жизнь с революцинно-демократических позиций,— а память сердца. Достоевский всю жизнь помнил, что именно Некрасов приветствовал его литературное рождение.

В 1877 г. Достоевский неоднократно навещает умирающего Некрасова[20]. В «Дневнике писателя» воспоминания Достоевского о последней беседе за месяц до смерти Некрасова так же значительны, как и описание их первой встречи в петербургскую белую ночь 1845 г.[21]

Узнав о смерти Некрасова, Достоевский пошел поклониться ему, а вернувшись домой, перечел почти все его поэтические произведения[22]. 30 декабря 1877 г. Достоевский произнес замечательную речь на могиле Некрасова[23], а в «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский дал развернутую характеристику Некрасову как поэту и человеку: «Некрасов есть русский исторический тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время. Но этот человек остался в нашем сердце. Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то опять-таки, любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было что искупить…»[24].

Возвращаясь к изданиям, имеющимся в Публичной библиотеке, следует отметить и конволюты, когда в одном переплете имеется ряд изданий, выпущенных Стелловским: «Хозяйка» (1865), «Белые ночи» (1865), «Честный вор» (1865), «Господин Прохарчин» (1865), «Скверный анекдот» (1866).

Ни в одном из печатных источников не указывается хранящийся в Публичной библиотеке «Дневник писателя» за 1876 г., отпечатанный в 1879 г. в петербургской типографии Ю. Штауфа (И. Фишона). Выпустив «Дневник писателя» за 1876 г. через три года после его выхода, типография Ю. Штауфа (И. Фишона) на самом деле переизда-

ла «Дневник писателя», отпечатанный впервые в 1876 г. в типографии князя В. В. Оболенского. То же самое сделала и типография В. Ф. Пуцыковича, использовав для выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. отдельные выпуски типографии Оболенского.

Некоторые произведения, например, «Неточка Незванова», так и не вышли при жизни Достоевского отдельным изданием. Объясняется это, вероятно, тем, что писатель не успел закончить эту повесть из-за ареста 23 апреля 1849 г. по делу петрашевцев, и поэтому в первых двух номерах «Отечественных записках» за 1849 г., где начала печататься повесть, есть еще подпись «Достоевский», а в пятом номере (цензурное разрешение 30 апреля 1849 г.) — ее уже нет. Повесть «Маленький герой» была написана Достоевским в 1849 г. в Петропавловской крепости и имела первоначальное заглавие «Детская сказка», но старший брат писателя М. М. Достоевский, поместив ее в 1857 г. в «Отечественных записках», когда Достоевский был в ссылке, дал ей заглавие «Маленький герой» и подпись «М-ий».

В главе «Автографы Ф. М. Достоевского в Публичной библиотеке» уже упоминался роман «Идиот» (СПб., 1874) с дарственной надписью Достоевского Вс. С. Соловьеву. Из владельческих надписей отметим надписи А. Ф. Бычкова на экземпляре «Записок из Мертвого дома» (СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865), «Преступление и наказание» (4-е изд. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877. Т. 1—2), «Вечный муж» (СПб.: Изд. книгопродавца А. Ф. Базунова, 1871).

С именем издателя и книгопродавца Александра Федоровича Базунова [1825—1899] связано также отдельное издание «Записок из Мертвого дома» и двухтомное «исправленное» издание «Преступления и наказания» в 1867 г. Достоевский познакомился с Базуновым 16 января 1862 г., когда заключал с ним договор на отдельное издание «Записок из Мертвого дома»[25]. В 1862 г. Базунов выпускает сначала отдельным изданием первую часть «Записок из Мертвого дома», а затем — отдельным изданием две части романа в том же 1862 г. — это было первое отдельное издание романа. Несмотря на отказ Базунова в разрешении опубликовать отрывок из «Записок из Мертвого дома» в другом издательстве,— об этом свидетельствует письмо

Достоевского А. Д. Путяте от 8 октября 1862 г.[26],— писатель продолжает деловые отношения с издателем.

Сохранившийся счет на имя Достоевского за купленные им книги в магазине Базунова показывает, что в 1862—1863 гг. писатель был постоянным покупателем самых разнообразных книг у Базунова[27] и в его магазине организовал контору своего журнала «Время»[28]. Кроме того, в петербургском книжном магазине Базунова Достоевский аккуратно получал гонорар за проданные экземпляры «Записок из Мертвого дома»[29].

8 июля 1866 г. Базунов писал Достоевскому: «… Письмо Ваше от 4-го июля я получил. Чрез час, по получении мною Вашего письма, явился ко мне и пасынок Ваш Павел Александрович Исаев с Вашим письмом и получил от меня 30 (тридцать) руб. сер. по Вашему назначению и по приписке Ивана Григор<ьевича> Соловьева. На мои глаза, его здоровье находится в самом удовлетворительном состоянии. Я полагаю, что он, получивши от Вас письмо, а от меня 30 руб. с., непременно Вас обо всем уведомит…»[30].

В декабре 1866 г. через Базунова Достоевский отправлял в Москву в «Русский вестник» очередные главы «Преступления и наказания» и, судя по письму к А. Г. Сниткиной от 9 декабря 1866 г., был у Базунова[31]. В 1867 г. в издательстве Базунова, Э. Праца, Я. Вейденштрауха вышло двухтомное «исправленное» издание «Преступления и наказания».

Находясь за границей, Достоевский в письме к своему другу поэту А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 г. просит его узнать у Базунова, согласен ли он выпустить роман «Идиот»[32]. Базунов не издал «Идиота», но через два года выпустил «Вечного мужа» (это издание имеется в Публичной библиотеке).

ВѢЧНЫЙ МУЖЪ.

РАЗСКАЗЪ

ѲЕДОРА ДОСТОЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Ѳ. ВАЗУНОВА.

—

1871.

Титульный лист книги Ф. М. Достоевского «Вечный муж»

Достоевский встречался с Базуновым и после возвращения из-за границы в 1871 г., так как именно этим годом датируется сохранившаяся расписка Достоевского в получении от Базунова денег.

В 1876 г. Базунов, разорившись на издании художественной литературы, бежал за границу. Две тенденциозные статьи по этому поводу в февральском номере «Дела» за 1876 г. и Г. З. Елисеева в мартовском номере «Отечественных записок» за 1876 г. натолкнули, очевидно, Достоевского на следующую запись в тетрадях за 1875—1876 гг.: «О *Базунове*. Американизмы. Наши американцы: Оболенский, Овсянников, Надеин. Бывший помещик, генерал. Кряж оседлых помещиков»[33].

Большой интерес представляют три коллективные издания, в которых печатался Достоевский и которые имеются в Публичной библиотеке. В «Складчине» — «литературном сборнике, составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии» (СПб., 1874), где участвовало 48 писателей, в том числе И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, А. К. Толстой, П. Д. Боборы-кин,— Достоевский опубликовал очерк «Маленькие картинки. (В дороге)». В издании «Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов» (СПб.: Тип. Карла Крайя, 1846) с иллюстрациями А. А. Агина, П. А. Федотова и других русских художников, которое выпустил Н. А. Некрасов, без подписи помещен рассказ «Как опасно предаваться честолюбивым снам». В 1922 г. К. И. Чуковский в статье «Неизвестное произведение Достоевского» доказал, что рассказ написан Достоевским совместно с Н. А. Некрасовым и Д. В. Григоровичем[34].

В «Иллюстрированном альманахе», изданном И. Панаевым и Н. Некрасовым (СПб., 1848), впервые увидел свет рассказ Достоевского «Ползунков». Здесь содержатся также произведения А. Н. Майкова, И. И. Панаева, В. И. Даля, А. В. Дружинина, имеются рисунки А. А. Агина, Н. А. Степанова (один рисунок Н. А. Степанова изображает А. А. Краевского и Достоевского), П. А. Федотова (подпись: Ф.), Е. Е. Бернардского. К сожалению,

из четырех экземпляров этого издания, хранящихся в Публичной библиотеке, в одном нет шести листов иллюстраций, а в другом — десяти листов.

С «Иллюстрированным альманахом» и, в частности, с «Ползунковым» Достоевского связана любопытная цензурная история. Книга была отпечатана, но тираж задержался из-за медлительной работы типографии и граверов. Однако после вторичного обращения И. И. Панаева в конце августа 1848 г. в Цензурный комитет за разрешением выпуска в свет «Иллюстрированный альманах» был запрещен, так как цензура увидела в повестях А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» и А. В. Дружинина «Лола Монтес» сочувствие революционным идеям. Цензурный комитет разрешил выпустить вместо «Иллюстрированного альманаха» «Литературный сборник» (СПб., 1849), куда вошли частично материалы из запрещенного издания. Однако «Ползункова» там не оказалось. И. И. Панаев дал подписку о невыпуске в свет ни одного печатного экземпляра «Иллюстрированного альманаха». Таким образом, отпечатанные экземпляры «Иллюстрированного альманаха» с «Ползунковым» стали библиографической редкостью (о самом рассказе широкая публика узнала только после смерти Достоевского, когда в 1883 г. начало выходить первое полное собрание сочинений писателя). Поэтому так важны те четыре экземпляра «Иллюстрированного альманаха», которые имеются в Публичной библиотеке.

Особый интерес представляют издания произведений писателя, выпущенные самим Достоевским и Анной Григорьевной Достоевской. Вот что вспоминает жена писателя об их совместной издательской деятельности: «Начало 1873 года мне особенно памятно благодаря выходу в свет первого изданного нами романа “Бесы”. Этим изданием было положено основание нашей общей с Федором Михайловичем, а после его кончины — моей издательской деятельности, продолжавшейся тридцать восемь лет… Федор Михайлович еще в юности мечтал о том, чтобы самому издавать свои произведения. Меня тоже очень заинтересовала эта идея, и я мало-помалу старалась узнать все условия издательства и распространения книг. Когда мы сказали нашим друзьям и знакомым, что хотим сами издать роман [“Бесы”],

то услышали много возражений и советов не пускаться в такое незнакомое для нас предприятие, в котором мы, по неопытности, должны были непременно погибнуть и, в придачу к старым долгам, нажить несколько тысяч новых. Но отговаривания не повлияли на нас, и мы решили нашу идею привести в исполнение»[35].

В Публичной библиотеке имеются совместные издания Достоевскими романов «Идиот» (СПб.: Тип. К. Замысловского, 1874), причем часть тиража вышла с разночтениями в гл. VIII—XII четвертой части романа, и «Бесы» (СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873) — экземпляр этого издания Достоевский через К. П. Победоносцева преподнес наследнику Александру Александровичу, будущему императору Александру III и написал ему письмо с объяснением смысла «Бесов»: «Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо, раз с *гордостию* назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного *высокомерия* о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нациею и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что

оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и *высокомерно* самостоятельными»[36].

Самый пристальный интерес вызывает хранящийся в Публичной библиотеке экземпляр «Дневника писателя» за 1876 г., напечатанный в 1877 г. в петербургской типографии князя В. В. Оболенского. На титульном листе имеется автограф: «Николаю Васильевичу Храмченко от приятеля». Возможно, этот автограф принадлежит Достоевскому. Однако среди знакомых писателя пока не удалось найти Николая Васильевича Храмченко и подписывал Достоевский обычно свои произведения, когда дарил их кому-нибудь,— «от автора», да и очертания не всех букв совпадают,— все же окончательное слово должно быть за графологической экспертизой.

За три недели до смерти Достоевский успел увидеть единственное отдельное прижизненное издание своего последнего романа «Братья Карамазовы» (СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1881). Весь тираж (3000 экз.) был отпечатан в конце 1880 г.. А. Г. Достоевская свидетельствует, что за несколько дней разошлась половина тиража: «Конечно, Федору Михайловичу было дорого убедиться в том интересе, который возбудил его новый роман. Это было, можно сказать, последнее радостное событие в его столь богатой всяческим невзгодами жизни»[37].

ИДІОТЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ѳедора Достоевскаго.

ТОМЪ I.

ЧАСТИ I и II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія К. Замысловскаго. Казанская ул., д. № 33.
1874.

Титульный лист книги Ф. М. Достоевского «Идиот»

БРАТЬЯ
КАРАМАЗОВЫ

РОМАНЪ

въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ.

Ѳ. М. Достоевскаго.

Томъ I.

Части I и II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.
1881.

Титульный лист книги Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

ГЛАВА IV

РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

При определении редкости того или иного издания учитываются его тираж, содержание, время и место выхода. Список редких изданий о Ф. М. Достоевском, имеющихся в Публичной библиотеке, помещен в приложении 3.

В Публичной библиотеке имеется большая подборка русской эмигрантской литературы о Ф. М. Достоевском, и это, на взгляд автора, самое ценное из всей литературы о данном писателе. В первую очередь здесь можно назвать такое редкое издание, как книга русского философа Николая Александровича Бердяева [06(18).03.1874, Киев — 24.03.1948, Кламар, Франция] «Миросозерцание Достоевского», вышедшая впервые на русском языке в Праге в 1923 г. в издательстве YMCA-PRESS.

Н. А. Бердяев происходил из старинного дворянского рода. В молодости он принадлежал к легальным марксистам и еще во время учебы в Киевском университете участвовал в социал-демократическом движении. Именно за это Бердяев был исключен из университета и отправлен в ссылку.

Начав с «легального марксизма», Бердяев пытается сочетать его с «этическим социализмом», а в 1905 г. присоединяется к богоискательству, став одним из авторов знаменитого сборника «Вехи» (1909).

Проблема свободы личности связана у Бердяева с борьбой за духовную природу человека, в защиту его достоинства. Бердяев одним из первых увидел опасность «массовой культуры» («Конец Европы», «Смысл творчества»).

Свободу личности Бердяев всегда связывал с христианством, и даже в годы его революционной молодости с ним оставалась, говоря словами Достоевского, «сияющая личность Христа».

Бердяев воспринимал эпоху капитализма и роста революционного движения как эпоху кризиса христианской культуры, умирания христианской веры. Религиозный кризис в сознании Бердяева ассо-

циировался с грядущими грандиозными общественными и социальными потрясениями. Он не принял Октябрьский переворот 1917 г. прежде всего и главным образом как переворот атеистический, неприятие Бердяевым коммунизма базировалось именно на религиозной почве.

В августе-сентябре 1922 г. советские власти выслали за границу 161 человека: общественных деятелей, писателей, философов. Среди них был и Н. А. Бердяев. Русский философ оказался во Франции.

Для Бердяева любовь к России всегда была чем-то болезненно острым, самым святым в его жизни. Именно поэтому он резко выступал против правых эмигрантских кругов, мечтавших о крестовом походе на Россию, именно поэтому он так безупречно вел себя во время фашистской оккупации Франции, именно поэтому он страстно желал победы Советской России в Великой Отечественной войне, именно поэтому он так радовался и гордился этой победой.

Об опыте своей духовной жизни Бердяев рассказал в главной, итоговой эмигрантской книге — в большой автобиографии с характерным для него заглавием «Самопознание. Опыи философской автобиографии» (Париж, 1949). В эмиграции Бердяев основал религиозно-философский журнал «Путь» (Париж, 1925—1940), руководил издательством «YMCA-PRESS» («Христианский союз молодежи»), выпустил книги «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (Париж, 1939) (в Публичной библиотеке имеется переиздание этой книги: Paris, 1972), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (Париж, 1947) (в Публичной библиотеке есть микрофильм этого издания) и др.

До 1917 г. Бердяев опубликовал несколько статей о Достоевском, из которых наибольшую известность получила работа «Ставрогин»[1]. В зиму 1920—1921 гг. Бердяев вел семинар о Достоевском в «Вольной академии духовной культуры».

Книга Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923) не биография, не историко-литературное исследование, а духовный портрет писателя. В предисловии к книге «Миросозерцание Достоевского» Бердяев отмечал, что писатель «имел определяющее значение» для его духовной жизни: «Еще мальчиком получил я прививку от Дос-

тоевского. Он потряс мою душу более, чем кто-либо из писателей и мыслителей. Я всегда делил людей на людей Достоевского и людей, чуждых его духу. Очень ранняя направленность моего сознания на философские вопросы была связана с “проклятыми вопросами” Достоевского. Каждый раз, когда я перечитывал Достоевского, он открывался мне все с новых и новых сторон. В юности с пронизывающей остротой запала в мою душу тема “Легенды о Великом Инквизиторе”. Мое первое обращение ко Христу было обращением к образу Христа в Легенде. Идея свободы всегда была основной для моего религиозного мироощущения и миросознания, и в этой первичной интуиции свободы я встретился с Достоевским, как своей духовной родиной. У меня была давняя потребность написать книгу о Достоевском»[2].

Предисловие к книге «Миросозерцание Достоевского» Н. А. Бердяев пометил датой: Москва, 23 сентября 1921 г.

В Публичной библиотеке имеется и другая ценная русская эмигрантская книга о Достоевском, наряду с монографией Н. А. Бердяева это самая глубокая работа в достоевсковедении,— это книга А. З. Штейнберга «Система свободы Достоевского» (Берлин: Скифы, 1923).

Аарон Захарович Штейнберг [1891—1975] родился в Двинске Витебской губернии в еврейской религиозной семье. Он получил образование на философском и юридическом факультетах в Петербургском и Гейдельбергском университетах. Еще студентом он печатал статьи на философские и юридические темы в таких журналах, как «Русская мысль», «Логос» и др.

После 1917 г. Штейнберг был активным участником и одним из создателей в Петрограде философской группы под названием «Вольфила» (Вольная Философская Ассоциация), где он читал лекции по философии до ноября 1922 г., когда навсегда выехал из России.

В Германии, а затем, с 1934 г., в Англии Штейнберг продолжал заниматься литературной работой, в 1941 г. стал заведующим культурным отделом Всемирного Еврейского Конгресса и был назначен постоянным делегатом ЮНЕСКО.

Книга А. З. Штейнберга «Система свободы Достоевского» возникла на основе лекций, читанных философом осенью 1921 г. на за-

седаниях Вольной Философской Ассоциации под общим заглавием «Достоевский как философ». И хотя философские воззрения Достоевского Штейнберг понимает как конкретный идеализм, содержание которого составляет система свободы, предвозвещающая духовное освобождение человечества в будущем, привлекают в его книге верные и тонкие замечания о неразрывности идейного и художественного замысла у Достоевского.

Оригинальность Достоевского как писателя Штейнберг видит в «симфоническом», как он выражается, построении его романов, в которых сталкиваются между собою равноценные идеи, и в такой симфоничности он усматривает сходство его художественных созданий с философскими диалогами Платона и с «Божественной комедией» Данте: «Платон писал диалоги, в которых спорили, совместно отыскивая истину, все мировоззрения начавшей разлагаться эллинской культуры; Данте собрал в одно божественное целое всех грешников и всех святых христианского мира; Достоевский писал книги, в которых и святые и грешники нашего мира спорят между собою, как философы древней Эллады»[3].

Подобно тому как у Платона истина принадлежит не только Сократу, но в какой-то мере и другим участникам диалогов, Достоевский, по мысли Штейнберга, тоже скрывается за своими литературными героями: «Все эти герои Достоевского, как и герои Платона, говорят за него»[4], «он не столько разрешает проблемы, сколько сохраняет их во всей их жизненности для будущих поколений и культур»[5]. Самому Достоевскому Штейнберг отводит роль композитора и дирижера симфонии, который тем самым высказывает свое определенное отношение к сталкивающимся на страницах его романа идеям. Соображения Штейнберга о симфоническом построении романов Достоевского плодотворны тем, что предостерегают от смешения идей автора и его героев. Еще до М. Бахтина Штейнберг выдвинул идею о многоголосии романов Достоевского, но, в отличие от М. Бахтина, который полифонию, как художественный метод, распространил и на мировоззрение писателя, Штейнберг остался на религиозных позициях конкретного идеализма. Для него мировоззрение Достоевского выражено во всей заключенной в его произведениях символике Доб-

ра, и все идеи — образы Достоевского всегда венчаются идеей Добра.

Особую позицию в истолковании философских взглядов Достоевского занял философ-эмигрант Лев Шестов [Лев Исаакович Шварцман — 31.01(12.02).1866, Киев — 20.11.1938, Париж], чья книга «Умозрение и откровение» (Париж: YMCA-PRESS, 1964) с центральной статьей «О "перерождении убеждений" у Достоевского» имеется в Публичной библиотеке.

Лев Шестов получил за рубежом известность в качестве зачинателя экзистенциализма в философии XX в.: одним из его почитателей был Альберт Камю. Шестов понимает Достоевского как писателя, чье мировоззрение проникнуто скепсисом, ощущением трагического одиночества и мыслью о безнадежности человеческого существования,— отсюда Шестов выводит обращение Достоевского к религии.

Истолкование творчества Достоевского, близкое к философии экзистенциализма, было предложено Шестовым еще в дореволюционной России в статье «Пророческий дар»[6] и в книге «Достоевский и Ницше» (СПб., 1903), также имеющейся в Публичной библиотеке, как и эмигрантское ее издание (Берлин, 1922). Достоевский и Ницше, с точки зрения Шестова, пережили сходное разочарование в своих прежних гуманистических идеалах и после идейного перерождения пришли к их полной переоценке. Главным произведением Достоевского Шестов считает «Записки из подполья» — «одно из самых замечательных произведений не только русской, но и мировой литературы»: заглавие повести Шестов пишет со строчной буквы, чтобы, вероятно, создать впечатление полного единства между писателем и его героем, хотя, конечно, это абсолютно неверно, что убедительно показал А. П. Скафтымов в работе «“Записки из подполья” среди публицистики Достоевского»[7].

Поворотным пунктом в развитии сознания Достоевского Шестову представляется тот момент, когда, стоя на эшафоте, он ощутил прикосновение «ангела смерти», то есть когда он пересмотрел все жизненные ценности с экзистенциональной точки зрения, исходя из мысли о смерти. Основой концепции Шестова служат широко понятые

им слова Достоевского из «Дневника писателя» 1873 г. о пережитом им перерождении убеждений. Именно так — «О "перерождении убеждений" у Достоевского» — озаглавлена важнейшая статья Шестова в его книге «Умозрение и откровения» (Париж, 1964), первоначально напечатанная в парижском журнале «Русские записки» за 1937 г.[8] Достоевского Шестов ставит здесь рядом с Кьеркегором как мыслителем, осознавшим трагизм человеческого существования, и противопоставляет его Гегелю с его верой в разум и в исторический прогресс.

Родство Достоевского с Кьеркегором Шестов видит в их борьбе с умозрительной философией Гегеля как итогом европейской мысли XIX в. Достоевский, считает Шестов, вел эту борьбу, не отдавая себе отчета, а Кьеркегор вполне сознательно. Считая общим для них крах умозрения и обращение к откровению, Шестов в своей статье «Кирхегард и Достоевский» в книге «Кьеркегор и экзистенциальная философия» (Париж, 1939; в Публичной библиотеке есть микрофильм этого издания, а также имеется издание: М., 1992) выражает это в излюбленном Кьеркегором символическом образе библейского Иова: «От Гегеля Кирхегард ушел к частному мыслителю — Иову. То же сделал и Достоевский. Все эпизодические вставки в его больших романах — "Исповедь" Ипполита в "Идиоте", размышления Ивана и Мити в "Братьях Карамазовых", Кириллова — в "Бесах", его "Записки из подполья" и его небольшие рассказы, опубликованные им в последние годы жизни в "Дневнике писателя" ("Сон смешного человека", "Кроткая"),— все они, как у Кирхегарда, являются вариациями на темы "Книги Иова"»[9].

Попытка Шестова осмыслить место идейной проблематики Достоевского в процессе развития европейской мысли его времени и параллель между ним и его старшим современником Кьеркегором вполне оправдана, поскольку оба они подвергли сомнению отвлеченный разум и выдвинули проблему обособления человеческой личности, хотя Шестов не всегда правомерно смешивает писателя с его героями и ставит знак равенства между «подпольным человеком» и автором. С Достоевским Шестова роднит прежде всего мужественная и смелая постановка еще на рубеже веков, когда мировые катастрофы только предчувствовались, проблемы свободы человека, его индивидуальной

чести и достоинства.

Значительную часть русских эмигрантских работ о Достоевском составляют историко-литературные исследования. В координации исследований такого рода важнейшую роль сыграл руководимый А. Л. Бемом «Семинарий по изучению Достоевского» при Русском Народном университете в Праге.

Альфред Людвигович Бем [1886—1945] принадлежит к поколению русских литературоведов и критиков начала XX в. Его научные интересы проявились рано. Еще в студенческие годы, на семинаре проф. С. А. Венгерова в Петербургском университете, А. Л. Бем поражал своих однокурсников большой эрудицией и глубиной подхода к различным проблемам литературы. С. А. Венгеров сумел передать своим ученикам, среди которых были такие крупнейшие впоследствии исследователи Достоевского, как А. С. Долинин и В. Л. Комарович, историко-литературный, философский и психологический подход к многообразным явлениям литературы.

Именно такой синтетический подход наиболее характерен для многочисленных литературоведческих и критических работ А. Л. Бема по русской и славянской литературе, церковной печати и библиографии.

Все предреволюционные годы А. Л. Бем работал ученым хранителем рукописного отделения Библиотеки Академии Наук, читал лекции по русской литературе в Петербургском университете и, наконец, по поручению Академии Наук проводил большую работу как секретарь академического издания «Обозрение трудов по славяноведению». В 1919 г. А. Л. Бем уехал в Чехословакию и, начиная с этого времени, примерно до конца 1930-х гг., он читал лекции и вел семинары по русской литературе в Карловом университете и в Русском Педагогическом Институте им. Яна Амоса Коменского в Праге, руководил литературным объединением «Скит», редактировал четыре сборника этого объединения (Прага, 1933—1937), собрание сочинений А. С. Пушкина на чешском языке (Прага, 1936—1938), сборник памяти известного русского психиатра Н. Е. Осипова «Жизнь и Смерть» (Прага, 1935—1936).

Свободно владея несколькими европейскими языками, А. Л. Бем выпустил в 1920-е и 1930-е г. несколько ценных историко-

литературных монографий, а также опубликовал свыше 100 журнальных и газетных работ на русском, немецком, итальянском, чешском, польском и других языках по различным вопросам литературы, искусства и культуры.

Много сделал А. Л. Бем и для непосредственной пропаганды русской культуры в Чехословакии. Он — один из авторов популярного до сих пор учебника русского языка для чехов «Русское слово»; в 1930-е гг. А. Л. Бем опубликовал в чешской печати ряд очерков о русских писателях, посещавших Чехословакию[10]. Однако наибольшую известность в 1920-е и 1930-е гг. А. Л. Бем завоевал как крупнейший исследователь жизни и творчества Достоевского. Он организовал в Праге «Общество Достоевского», а с 1925 по 1936 гг. бессменно руководил специальным семинаром по изучению творчества Достоевского при Русском народном университете в Праге.

Участники этого семинара — В. В. Зеньковский, Р. В. Плетнев, С. И. Гессен, Д. И. Чижевский и другие ученые выпустили в издательстве «Петрополис» под редакцией А. Л. Бема три сборника ценных трудов семинара «О Достоевском» (Т. 1. 1929; Т. 2. 1933; Т. 3. 1936), из которых третий сборник является собранием статей самого А. Л. Бема «У истоков творчества Достоевского. Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский».

Все эти сборники имеются в Публичной библиотеке, как и небольшая книжечка А. Л. Бема «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского» (Прага: Уния, 1928) и его работа «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Берлин: Петрополис, 1938).

Обратившись к Достоевскому прежде всего как к художнику слова и занявшись выяснением его места в историко-литературном процессе, участники семинара по изучению Достоевского демонстративно заявили в предисловии ко второму выпуску трудов семинара: «Для русской науки <…> уже позади религиозно-философское истолкование в духе Мережковского, Волынского и Шестова»[11].

В центре внимания самого Бема в его книге «У истоков творчества Достоевского. Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский» оказывается соотношение творчества Достоевского и традиций русских классиков. Связи Достоевского с предшественниками и со-

временниками, как показывает Бем, очень разнообразны: иногда это творческое развитие литературного образа, например, сходство Версилова и Чацкого; иногда — преемственность, осложненная поисками новых путей, как это видно на примере сравнения «Бедных людей» и «Двойника» с гоголевскими повестями; порою — прямое влияние, как воздействие «Пиковой дамы» на «Преступление и наказание»; наконец — творческая полемика с Л. Н. Толстым в романе «Подросток».

Достоевский, по мнению Бема, «прежде и раньше всего должен быть понят как явление русского литературного развития»[12].

Весьма многочисленны в русской эмигрантской литературе о Достоевском попытки подойти к нему как к православно-церковному мыслителю. Православная концепция Достоевского подробно анализировалась в книге философа Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание» (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953), имеющейся в Публичной библиотеке. Лосский обращает внимание на воплощение православного христианского идеала у Достоевского и при этом отмечает следующее: «В жизни и творчестве Достоевского религиозный идеал святости занимает господствующее положение», и вообще главная цель его книги — «изобразить великие достоинства христианства посредством гения Достоевского»[13]. В Публичной библиотеке хранится также двухтомная «История русской философии» (Париж: YMCA-PRESS, 1948—1950) философа-эмигранта В. В. Зеньковского [04(16).07.1881—05.08.1962], в которой в первом томе центральная глава «Почвенники» освещает жизнь и творчество Достоевского под углом его связи с религией.

Как верный сын православной церкви Достоевский истолковывается в книге митрополита Киевского Антония (А. П. Храповицкого) [17 (29).03.1863—10.08.1936], хранящейся в Публичной библиотеке: «Словарь к творениям Достоевского “Не должно отчаиваться”» (София, 1921).

Любопытно, что среди друзей митрополита Антония было распространено мнение, будто бы Достоевский написал своего Алешу Карамазова с Алеши Храповицкого, то есть с митрополита Антония в

его юношеские годы. Правда, сам митрополит Антоний отрицал это, указывая на то, что, хотя он был в молодости восторженным слушателем Достоевского на всех литературных вечерах, где выступал писатель, Достоевский лично его не знал. Однако митрополит Антоний указывал, что он хорошо знал родных Достоевского и, таким образом, возможно, что Достоевский что-нибудь и слышал от них о своем юном почитателе.

Пророческие предсказания Достоевского о судьбах России русские эмигранты связывали с мировоззренческой эволюцией самого писателя от революционера и атеиста к монархисту и христианину, тем более если учесть, что многие из них проделали ту же идейную эволюцию.

Такое восприятие Достоевского предопределило духовный путь многих русских эмигрантов, особенно восприимчивых к его христианским заветам. Вот что пишет в своей книге «Достоевский и современность» (Париж: YMCA-PRESS, 1929), имеющейся в Публичной библиотеке, легендарная поэтесса Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (1891—1945), которой, по мнению некоторых исследователей, Александр Блок посвятил стихи «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая…»: «Без преувеличения можно сказать, что явление Достоевского было некой гранью в сознании людей. И всех, кто мыслит теперь после него, можно разделить на две группы: одни — испытали на себе его влияние, прошли через муку и скорбь, которую он открывает в мире, стали “людьми Достоевского”. И если они до конца пошли за его мыслью, то так же, как и он, могут говорить: “Через горнило сомнений моя осанна прошла…” И другие люди,— не испытавшие влияния Достоевского. Иногда они тоже несут свою осанну. Но им ее легче нести, потому что они не проводят ее через горнило сомнений. Они — всегда наивнее и проще, чем люди Достоевского, они не коснулись какой-то последней тайны в жизни человека, и им, может быть, легче любить человека, но и легче отпадать от этой любви»[14].

Обозревая жизненный подвиг Е. Кузьминой-Караваевой — в 1931 г. она постриглась в монахини, приняв имя мать Мария, и погибла в марте 1945 г. в концлагере Равенсбрюк за активное участие во французском движении Сопротивления,— можно сказать ее же слова-

ми, что она «прошла через муку и скорбь, которую он [Достоевский] открывает в мире, стала “человеком Достоевского”».

Философ-эмигрант Борис Петрович Вышеславцев [03 (15).10.1877—05.10.1954) в своей книге «Русская стихия у Достоевского» (Берлин: Обелиск, 1923), имеющейся в Публичной библиотеке, отмечал, что религиозная вера Достоевского «не наивная вера, она прошла через горнило величайших сомнений»[15], и Достоевский «верит, что из русской хаотической стихии создается дивный Космос, он, значит, видит в ней не одно только безумие, распад, преступление, но и еще что-то другое — какую-то бесконечную мощь, какие-то таинственные возможности»[16].

В Публичной библиотеке имеется книга философа-эмигранта И. И. Лапшина [11 (23).10.1870—17.11.1952] «Эстетика Достоевского» (Берлин: Обелиск, 1923), опубликованная частично в первом сборнике «Достоевский: Статьи и материалы»[17]. Эта книга представляет собой первую попытку доказать, что Достоевский — величайший *художник слова*, что его эстетика развивается по особым законам красоты.

В Публичной библиотеке есть также такое редкое издание, как книга Д. В. Гришина «“Дневник писателя” Ф. М. Достоевского» (Мельбурн, 1966) — первая и до сих пор единственная в мировом достоевсковедении монография о «Дневнике писателя».

Среди немногих русских эмигрантских биографических работ о Достоевском надо назвать прежде всего имеющуюся в Публичной библиотеке книгу Ю. Никольского «Тургенев и Достоевский: (История одной вражды)» (София, 1921), написанную еще в 1913—1917 гг. Взаимоотношения между обоими писателями в ней обстоятельно освещаются в трех планах: фактическом, психологическом и эстетическом.

В занимательной форме, рассчитанной на широкого читателя, написана книга русского эмигрантского литературоведа Марка Львовича Слонима [23.03. (04.04) 1894—08.04.1976] «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953), имеющаяся в Публичной библиотеке.

М. Л. Слоним родился в Новгород-Северском, окончил классическую гимназию в Одессе, получил высшее образование в С.-Петербургском университете и в Институте высших наук во Флоренции, по историко-филологическому факультету. Слоним покинул Россию в 1919 г. и затем жил во Флоренции, Праге и Париже. В 1941 г. Слоним переехал в Соединенные Штаты Америки, где писал книги и преподавал русскую и европейскую литературы в американских колледжах.

В эмиграции Слоним выпустил несколько книг на русском языке: «Русские предтечи большевизма» (Берлин, 1922, есть в Публичной библиотеке), «По золотой тропе. Чехословацкие впечатления» (Париж, 1928), «Портреты советских писателей» (Paris, 1933, имеется в Публичной библиотеке), переводы из Стендаля, Дюамеля, Казановы и других, а также ряд произведений на английском, французском, итальянском и других иностранных языках: «Большевизм с точки зрения русского», история русской общественной мысли «От Петра Великого до Ленина», «Советская литература» (совместно с Д. Риви), «Воспоминания авантюристки 30-х годов» и другие. Последний труд М. Слонима — двухтомная «История русской литературы» на английском языке (1950—1953).

Книга Слонима «Три любви Достоевского» обнаруживает хорошее знакомство ее автора с материалами биографии писателя, хотя и отличается уклоном в сторону сексуальных проблем и чрезмерным интересом автора к письму Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому, в котором Страхов приписал преступление Свидригайлова и Ставрогина, то есть растление малолетней, самому Достоевскому.

Тема эротизма, сексуальности и связанная с ними фрейдистская тема занимают значительное место в книге «Три любви Достоевского». И в этом, в общем, нет ничего предосудительного, если бы автор всегда соблюдал чувство меры. Но, к сожалению, Слоним не любил Достоевского и поэтому далеко не всегда соблюдал это чувство меры в описании, скажем, мазохизма или пресловутой половой извращенности Достоевского, опираясь на такие недостоверные или предвзятые источники, как имеющиеся также в Публичной библиотеке работа А. А. Кашиной-Евреиновой «Подполье гения (Сексуальные ис-

точники творчества Достоевского)» (Пг., 1923) и монография ученика З. Фрейда И. Нейфельда «Достоевский. Психоаналитический очерк» (Л.; М., 1925), вышедшую, кстати, под редакцией знаменитого психиатра, и, наконец, на сенсационную статью самого З. Фрейда «Dostojewski und die Vatertotung» («Достоевский и отцеубийство») (в кн. «Die Urgerstalt der Brüder Karamasoff») (München, 1928, тоже имеется в Публичной библиотеке), доказывающего, что сам Достоевский желал смерти своего отца (!).

Обратимся к высказываниям талантливого русского литературного критика-эмигранта Владимира Васильевича Вейдле [01 (13).03.1895—05.08.1979), написавшего одну из самых замечательных книг о роли христианства в истории искусства — «Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества» (Париж, 1937, в Публичной библиотеке имеется петербургское переиздание этой книги 1996 г.,— в ней также во многом речь идет о Достоевском). «Фрейд сказал ясно: “У нас нет другого способа побороть наши инстинкты, кроме нашего рассудка”, какое же место остается тут для такой противорассудочной вещи, как преображение? — писал В. Вейдле в своей книге.— Однако без преображения искусства нет, и его не создать одними инстинктами или рассудком. Потемки инстинкта и рассудочное “просвещение”, только это и видел и Толстой, когда писал “Власть тьмы”, но художественный его гений подсказал ему все же под конец неразумное, хоть и не инстинктивное покаяние Никиты. Искусство живет в мире совести, скорее, чем сознания; этот мир для психоанализа закрыт. Психоанализ только и знает, что охотиться за инстинктами, нащупывать во тьме подсознания все тот же универсальный механизм…

В одной из недавних своих работ Фрейд не только приписал Достоевскому желание отцеубийства, осуществленное через посредство Смердякова и Ивана Карамазова, но и земной поклон старца Зосимы <…> объяснил как бессознательный обман, как злобу, прикинувшуюся смирением. Из этих двух “разоблачений” первое, во всяком случае, не объясняет ничего в домыслах Достоевского как художника, второе обличает полное непонимание поступка и всего образа старца Зосимы. Психоанализ бессилен против “Братьев Карама-

зовых”»[18].

К этому абсолютно верному замечанию В. Вейдле можно лишь добавить, что психоанализ бессилен вообще против христианского духа и против христианского искусства. И если принять за основу пушкинское «гений и злодейство две вещи несовместные» в высшем христианском его понимании, то тогда рассыпется в прах и фрейдистская версия о том, что Достоевский желал смерти своего отца, и сравнение писателя в жестокости с отцом, убитым якобы за эту жестокость своими крепостными, и наконец сама собою отпадет клевета Н. Н. Страхова об изнасиловании писателем малолетней девочки.

Однако Слоним далеко не всегда стоял на позициях А. С. Пушкина, что «гений и злодейство две вещи несовместные». Правда, в какой-то мере оправданием ему может служить тот факт, что за пять десятилетий, прошедших со дня выхода книги «Три любви Достоевского», появилось много новых документальных публикаций, убедительно свидетельствующих, что постулат А. С. Пушкина абсолютно справедлив[19].

Особо следует отметить самую обширную работу о Достоевском в русской эмигрантской критической литературе о нем — книгу Константина Васильевича Мочульского [28.01 (09.02).1892—21.06.1948) «Достоевский: Жизнь и творчество» (Париж: YMCA-PRESS, 1980), имеющуюся в Публичной библиотеке (первое издание — Париж: YMCA-PRESS, 1947 — в библиотеке отсутствует). После окончания филологического факультета Петербургского университета Мочульский в 1918 г. был назначен приват-доцентом в Саратовский университет, но в 1919 г. навсегда покинул Россию.

В Париже Мочульский читал лекции в Религиозно-философской академии, основанной Н. А. Бердяевым, активно участвовал в деятельности Объединения «Православное дело», во главе которого стояла мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева) и выпускал фундаментальные монографии о жизни и творчестве Гоголя, Достоевского, Вл. Соловьева, Блока, Андрея Белого.

Что касается понимания творчества Достоевского, то Мочульский в своей книге «Достоевский: Жизнь и творчество» следует за

Бердяевым, когда пишет о «катастрофичности» Достоевского в пророческом смысле, повторяя Шестова, называет Достоевского двойником Кьеркегора и, продолжая Вячеслава Иванова (речь идет о статье Вяч. Иванова «Основной миф в романе "Бесы"»[20]), пытается установить в замысле каждого из больших романов писателя исходные христианские мифы. С другой стороны, сильная сторона книги Мочульского определяется его ориентацией на все труды отечественного достоевсковедения, достижения которого в области изучения Достоевского им широко использованы в изложении биографии писателя и в характеристике его как гениального художника слова.

Опираясь на опубликованные отечественными учеными черновые материалы к романам Достоевского, Мочульский отдельные главы книги отводит их «композиции», то есть творческой истории, а в приложении обстоятельно анализирует неосуществленные замыслы писателя. Большое внимание Мочульский уделяет драматургической стороне «романов-трагедий»: «Преступление и наказание» он детально рассматривает как трагедию в пяти актах с прологом и эпилогом, а вершиной же этого жанра считает роман «Бесы» — «театр трагических и трагикомических масок». В некоторых замечаниях Мочульского о «технике» романов Достоевского заметны следы его давнего увлечения работами русских формалистов.

Мочульский полностью и до конца придерживался христианского взгляда на Достоевского как на христианского писателя: «… В Сибири, в жизни ссыльного писателя происходят два события, определяющие всю его дальнейшую судьбу: встреча с Христом и знакомство с русским народом. В нечеловеческих страданиях, в борьбе с сомнением и отрицанием завоевывается вера в Бога. По поводу "Легенды о Великом Инквизиторе" Достоевский пишет в записной книжке: "И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не было, стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а *через большое горнило сомнений моя осанна прошла*…"

После каторги религиозная тема образует духовный центр его творчества. Вопрос о вере и неверии ставится во всех больших романах Достоевского. В 1870 г. он пишет Майкову: "Главный вопрос, которым я мучился сознательно или бессознательно всю мою жизнь —

существование Божие”.

Всех героев Достоевского “Бог мучит”; все они решают вопрос о существовании Божием; судьба их всецело определяется религиозным сознанием.

Достоевский жил в эпоху кризиса христианской культуры и переживал его, как свою личную трагедию <…>

Достоевский видел историю в свете Апокалипсиса; он предсказывал неслыханные мировые катастрофы. “Конец мира идет,— писал он.— Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не бывало”. Трагическое мировоззрение автора “Бесов” было недоступно позитивистам XIX века: он был человеком нашей, катастрофической эпохи. Но богооставленность не последнее слово творчества Достоевского; он изображал “темную ночь”, но предчувствовал рассвет. Он верил, что трагедия истории завершится преображением мира, что за Голгофой человечества последует второе пришествие Христа и “раздастся великий гимн нового и последнего Воскресения”»[21].

Что касается неэмигрантской литературы о Достоевском, то в данном контексте можно отметить книгу В. Н. Малинина «Ф. М. Достоевский, особенности его дарования и творчества» (Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1906. — 110 экз.) и Однодневную газету Русского библиологического общества «Достоевский», изданную в Петрограде специально к 100-летию со дня рождения Достоевского в 1921 г. 30 октября (12 ноября).

Эта газета, насчитывающая 34 страницы и распространявшаяся в качестве книжного издания, включала работы известных отечественных исследователей Достоевского и мемуаристов: И. А. Аполлонская-Стравинская «Нечто об эстетических страданиях», В. Виноградов «Последний день приговоренного к смерти (конец Кириллова)», А. С. Долинин «Зарождение главной идеи Великого Инквизитора», Л. Ильинский «Ф. М. Достоевский и Г. И. Успенский», Е. П. Казанович «Ф. М. Достоевский», А. Ф. Кони «28 января 1881», А. Малеин «Достоевский и античный мир», Б. Модзалевский «Достоевский — член-корреспондент Академии Наук», Г. В. Никольская «Русские писатели о Достоевском», Ю. Новицкий «Достоевский как крими-

налист», В. Н. Перетц «Из воспоминаний», В. Спиридонов «Направление “Времени” и “Эпохи”».

И все же главным богатством Публичной библиотеки из литературы о Достоевском являются русские эмигрантские книги о жизни и творчестве писателя. Свою книгу «Система свободы Ф. М. Достоевского» (Берлин, 1923), о которой уже упоминалось выше, А. З. Штейнберг заканчивает ностальгическим пожеланием: «Достоевский есть поворотный пункт в мыслеобороте Европы… Достоевский превратил Россию из факта в проблему: в проблему общечеловеческой мысли. Россия в лице Достоевского уже произнесла свое первое слово призыва и проповеди: слово о том, что все старые кумиры обветшали, что возродить и переродить человечество призван не сверхчеловек, что не он преобразит мир, что будущее человечества не за ним, а за — человеком… Мы все понемногу начинаем говорить по Достоевскому и, главное, учимся его глазами видеть. Когда мы совсем научимся, вокруг нас станет светлее и проще»[22].

Это было сказано почти восемьдесят лет назад. Но и сейчас мы только-только начинаем говорить по Достоевскому и учимся его глазами видеть.

ГЛАВА V

РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ

Критик и философ Н. Н. Страхов в обширной статье о «Преступлении и наказании» в журнале «Отечественные записки» (здесь и далее: см. «Список работ сотрудников Публичной библиотеки о Ф. М. Достоевском» в приложении 4) предпринял первую серьезную и обстоятельную попытку обнаружить не только социально-политические, но и нравственно-психологические причины преступления Раскольникова. «Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это — плач над ним, — писал Страхов.— <...> По своему всегдашнему обычаю, он представил нам *человека* в самом убийце, как сумел отыскать *людей* и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя <...> Раскольников есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которую они предаются свои идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться цельно, без уступок, без остановок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своей мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до краю — так или иначе — портит жизнь и даже губит людей. Одно из самых печальных и характеристических явлений такой гибели и хотел изобразить нам художник»[1].

По свидетельству Страхова, Достоевский остался доволен его статьей о «Преступлении и наказании», сказав о ней критику: «Вы одни меня поняли»[2].

До сих пор сохраняют свое научное значение «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» Страхова — по существу, первый и

единственный мемуарный источник о рождении гения, то есть о самых важных в духовном и творческом отношении годах в жизни Достоевского, с 1860 по 1880 гг.[3]

Перу Эрнеста Львовича (Леопольдовича) Радлова [20.11.1854, Петербург — 28.12.1928, Ленинград], философа, литературоведа, переводчика, работавшего в Публичной библиотеке в 1880—1899, 1916—1927 гг. (в 1918—1924 гг. — директором) принадлежит статья «Соловьев и Достоевский» в книге «Достоевский. Статьи и материалы» — первая работа, в которой доказывается религиозное родство философа Вл. С. Соловьева и Достоевского. Статья Э. Л. Радлова предопределила появление целого ряда работ на тему «Соловьев и Достоевский», в частности, статьи С. И. Гессена «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева»[4].

Юрист, критик публицист и общественный деятель Дмитрий Владимирович Философов [26.03.1872, Петербург — 04.08.1940, курорт Отводск (Краков, Польша)], работавший в Публичной библиотеке в 1898—1905 и 1918—1919 гг., принял в 1913 г. участие в полемике с М. Горьким по поводу инсценировок в Московском Художественном театре романов Достоевского «Братья Карамазовы» и «Бесы», причем Философов выступил против провокационных попыток М. Горького подвергнуть сомнению религиозный и пророческий смысл творчества Достоевского[5]. Статьи Философова сохранили значение и в наши дни[6].

Философ Лев Александрович Зандер [19.02.1893, Петербург — 17.12.1964, Париж], работавший в Публичной библиотеке в 1915 г., в эмиграции выпустил в 1960 г. в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне) книгу «Тайна добра: Проблема добра в творчестве Достоевского». В этом исследовании Л. А. Зандер, следуя за Вяч. Ивановым, тоже останавливается на мифе о Земле и, кроме того, целую главу посвящает евангельскому символу «Жениха» — Иисуса Христа. Л. А. Зандер впервые проводит также любопытное сравнение между героем романа «Идиот» Львом Николаевичем Мышкиным и возможным его прототипом Львом Николаевичем Толстым: «Князь Мышкин приходит в

русский мир из Швейцарии — с гор, близких Женеве; болезнь оторвала его от "культуры", сблизила с природой, перенесла не только физически, но и духовно в мир детей. Он невинен, правдив, прекрасен и — в каком-то смысле — примитивен; он — человек, не тронутый цивилизацией, человек, сохранивший в своей душе первоначальную наивность и целостность. Невольно задаешь себе вопрос: не есть ли он совершеннейшее явление l'homme de la nature et de la verité — русское издание идеалов Руссо — своеобразное воплощение Эмиля?

Это предположение влечет за собой другое. Натуралистический реализм Руссо преломился в русской мысли в учении Толстого. В то время, когда Достоевский писал Идиота, Толстой еще не раскрыл себя как врага церковной веры и церковного (трансцедентного) понимания Христа. Но уже тогда он был un Emile, в юности носил, вместо нательного креста, портрет Руссо, которого считал своим учителем с 15-летнего возраста. Невольно возникает вопрос: не есть ли *князь Лев Николаевич* символический образ *графа Льва Николаевича?* Конечно, не как портрет и не пародия, а как идеал молодого Толстого, взятый в совершенной форме и осуществленный до конца. В таком случае Идиот есть гениальное преодоление деистического идеализма, а вместе с тем и доказательство того, что этика образа по существу своему есть этика гуманизма — даже в том случае, когда образ этот есть образ Христа»[7].

Историк, филолог, краевед Николай Павлович Анциферов [30.07.1889, усадьба Софиевка Уманского у. Киевской губ. — 2.09.1958, Москва], работавший в Публичной библиотеке в 1916—1920 гг., стал первым исследователем темы «Петербург в русской литературе», в частности, темы «Петербург Достоевского» (так называется книга Н. П. Анциферова, вышедшая в Петербурге в 1923 г. с рисунками М. В. Добужинского). В книге «Петербург Достоевского» Н. П. Анциферов сделал первую попытку найти петербургские адреса не только самого писателя, но и условные петербургские адреса его героев. Книга Н. П. Анциферова предопределила появление целого ряда краеведческих работ на эту тему, в частности, книги Е. Саруханян «Достоевский в Петербурге»[8].

Сотрудник Публичной библиотеки и одновременно сотрудник Института Книговедения в начале 1920-х гг. Николай Андреевич Соколов [1898—?] в 1924 г. напечатал во втором сборнике «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы», под ред. А. С. Долинина, библиографический указатель «Материалы для библиографии Ф. М. Достоевского 1903-1923 гг.», явившийся продолжением солидного труда жены писателя А. Г. Достоевской[9].

Отдавая должное серьезному труду Н. А. Соколова, отметим, что большой пласт материалов, в основном провинциальной печати, не попал в его указатель (это первый и главный недостаток данного указателя). Например, практически не вошла в работу Соколова вся полемика вокруг постановки «Братьев Карамазовых» и «Бесов» в Московском Художественном театре в 1910 и 1913 гг., в том числе полемика М. Горького с МХТ по поводу постановки «Бесов». Приведем лишь несколько примеров. Не попали в указатель Соколова статьи П. Волжского в «Таганрогском вестнике», «Одесских новостях», «Приазовском крае», С. Глаголя [Голоушева С. С.] в «Утре Юга», Н. Геккера в «Одесских новостях», Л. Войтоловского в «Киевской мысли» и т. д.[10].

Вероятно, такие пробелы объяснялись тем, что в Публичной библиотеке Соколов просматривал лишь наиболее известные и популярные издания, а в Институт Книговедения, материалами которого он пользовался, попадало далеко не все.

Второй недостаток работы Соколова — это слабое раскрытие или просто нераскрытие псевдонимов авторов статей. Например, не раскрывается, что Дионео — это Шкловский И. В., что Solus — это Арабажин К. И., что Баян — это Ежов Н. М., что Яблоновский С. — это Потресов С. В., что Анчар — это Боцяновский В. Ф. и т. д.

Наконец, третий недостаток работы Соколова — расположение материала в указателе. Соколов идет вслед за А. Г. Достоевской, располагая отдельно журналы и газеты — по годам, а внутри — по заглавиям журналов и газет, и отдельно — книги и сборники, а внутри — по годам и по авторам и заглавиям. На наш взгляд, это неверный подход к расположению материала, так как материал должен прежде всего располагаться по авторам тех или иных работ о

Достоевском.

Что касается второй половины XX в., то из сотрудников Публичной библиотеки, занимающихся Достоевским, можно отметить сотрудницу Отдела рукописей Р. Б. Заборову, которая еще в 1957 г. приняла участие в издании «Описание рукописей Ф. М. Достоевского», составив по материалам Публичной библиотеки «Описание рукописных произведений, замыслов, биографических материалов и документов Ф. М. Достоевского» и «Описание переписки Ф. М. Достоевского». Эти две работы вошли в каталог Заборовой «Рукописи Ф. М. Достоевского», выпущенный Публичной библиотекой в 1963 г. Сохраняет научное значение и статья Заборовой «Ф. М. Достоевский и Литературный фонд», предопределившая появление в 1987 г. работы Т. И. Орнатской «Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1866)».[11]

Ведущий научный сотрудник Публичной библиотеки, доктор филологических наук Ольга Дмитриевна Голубева в своей книге «Автографы заговорили...» (глава «Мне выпало счастье близости к Достоевскому») рассказывает об автографах Достоевского в Публичной библиотеке на втором издании романа «Идиот» (СПб., 1874) Вс. С. Соловьеву с надписью «Всеволоду Сергеевичу Соловьеву в знак памяти от автора» и на «Преступлении и наказании» (Т. 1—2. СПб, 1877) с надписью «Дорогому Всеволоду Сергеевичу от автора».

С. В. Белов в настоящее время издал Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение» и приступил к составлению единого библиографического указателя по Достоевскому «Ф. М. Достоевский за 155 лет. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке во всем мире с 1846 по 2001 год».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Свою книгу «Миросозерцание Достоевского» Н. А. Бердяев заканчивает словами: «Достоевский и есть та величайшая ценность, которой оправдает русский народ свое бытие в мире, то, на что может указать он на Страшном Суде народов»[1].

Именно этим и объясняется бережное отношение ко всему, что связано с именем Ф. М. Достоевского, с темой «Публичная библиотека и Ф. М. Достоевский».

Известный исследователь творчества Ф. М. Достоевского А. Л. Бем назвал его «гениальным читателем»[2]. Это действительно верно, так же, как верно и то, что всякий гений, очевидно, является гениальным читателем. Но можно с полной определенностью сказать, что из всех гениальных читателей XIX в. Достоевский был, пожалуй, наиболее восприимчив к сотворчеству с читаемыми им авторами, в том числе и с авторами книг из собрания Публичной библиотеки.

Сам этот факт, вместе с автографами Достоевского в Публичной библиотеке, с прижизненными изданиями его, с редкими изданиями о Достоевском, с исследованиями о нем, составляет духовное наследие Российской национальной библиотеки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК АВТОГРАФОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, ИМЕЮЩИХСЯ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

1. «Дневник писателя». Единственный выпуск 1880 г. Черновой автограф. 1. Речь о Пушкине. 2. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Речи о Пушкине. 3. Г-ну А. Градовскому (в ответ на его критику моей «Речи»).

2. «Дневник писателя». Единственное издание 1881. Январь. Глава первая. Автограф с поправками наборной рукописи. Отрывки.

3. Идиот: Роман: В 4 ч.— СПб.: Тип. К. Замысловского, 1874.— Т. 1. Ч. 1—2 с автографом — дарственной надписью Всеволоду Сергеевичу Соловьеву.

4. Отношение казначею Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым И. Н. Березину о выдаче денег Варваре Тхоржевской. 4 марта 1863 г. СПб. На бланке: рукой Ф. М. Достоевского за подписью Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского.

5. Отношение казначею Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым И. Н. Березину о выдаче денег В. Тхоржевской и П. П. Чубинскому. 4 марта 1863 г. На бланке: зачеркнутый отпуск рукой Ф. М. Достоевского и за его подписью.

6. Письмо Ю. Ф. Абазе. 15 июня 1880 г. Старая Русса.

7. Письма (2) Д. В. Аверкиеву. 5, 18 ноября 1877 г.

8. Письмо М. А. Александрову. 4—6 октября 1873 г.

9. Письмо Ф. Н. Бергу. 12 июля 1861 г. СПб.

10. Письмо П. Б. Быкову. 15 апреля 1876 г. СПб.

11. Письмо Ч. Валиханову. 14 декабря 1856 г.

12. Письмо Ф. Ф. Веселаго. 23 августа 1864 г. СПб.

13. Письма (5) В. П. Гаевскому. 1877—1880.

14. Письмо А. И. Глазунову. 6 марта 1863 г. СПб.

15. Письмо Вл. М. Каченовскому. 16 октября 1880 г.

16. Письма (2) Е. П. Ковалевскому. 20 июля, 23 июля 1863 г. СПб.

17. Письмо Екат. П. Корниловой. Вторая половина января 1878 г.

18. Письма (5) А. А. Краевскому. 1849—1865. СПб.
19. Письмо Е. Н. Лебедевой. 8 ноября 1879 г.
20. Письма (4) А. П. Философовой. 1877—1878.
21. Письмо А. П. Милюкову. 2 января 1863 г. СПб.
22. Письмо А. И. Савельеву. 18 апреля 1878 г. СПб.
23. Письмо Н. Н. Страхову. 3 мая 1872 г. СПб.
24. Письмо Н. М. Щепкину. 13 февраля 1863 г. СПб.

II. СПИСОК ПРИЖИЗНЕННЫХ ИЗДАНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, ИМЕЮЩИХСЯ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

1. Бедные люди // Петерб. сб., изд. Н. А. Некрасовым.— СПб., 1846.— С. 1—166.— 2 экз.

2. Господин Прохарчин // Отеч. зап.— 1846.— № 10.— С. 151—178.—2 экз.

3. Двойник // Отеч. зап.— 1846.— № 2.— С. 274—428.— 2 экз.

4. Бедные люди.— СПб.: Тип. Э. Праца, 1847.— 181 с.— 2 экз.

5. Петербургская летопись // С.-Петерб. ведомости.— 1847.— 27 апр. (№ 193).— 1 экз.

6. Роман в девяти письмах // Современник.— 1847.— № 1.— С. 45—54.— 2 экз.

7. Хозяйка // Отеч. зап.— 1847.— № 10.— С. 396—424; № 11.— С. 381—414.— 1 экз.

8. Белые ночи // Отеч. зап.— 1848.— № 2.— С. 357—400.— 2 экз.

9. Елка и свадьба // Отеч. зап.— 1848.— № 9.— С. 44—49.— 2 экз.

10. Как опасно предаваться честолюбивым снам // Первое апреля: Комич. ил. альм., сост. из рассказов в стихах и прозе, достопримеч. писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов / [Изд. Н. А. Некрасова].— СПб., 1848.— С. 91—101.— 1 экз.

11. Ползунков // Ил. альм., изд. И. Панаевым и Н. Некрасовым.— СПб., 1848.— С. 502—516.— 4 экз.

12. Слабое сердце // Отеч. зап.— 1848.— № 2.— С. 412—416.— 2 экз.

13. Честный вор // Отеч. зап.— 1848.— № 4.— С. 286—306.— 2 экз.

14. Чужая жена и муж под кроватью // Отеч. зап.— 1848.— № 1.— С. 50—58.— Загл.: Чужая жена; № 11.— С. 158—175.— Загл.: Ревнивый муж.— 2 экз.

15. Неточка Незванова // Отеч. зап.— 1849.— № 1.— С. 1—52; № 2.— С. 307—356; № 5.— С. 81—130.— 2 экз.

16. Маленький герой // Отеч. зап.— 1857.— № 8.— С. 359—

398.— 1 экз.

17. Дядюшкин сон // Рус. слово.— 1859.— № 3.— С. 27—172.— 1 экз.

18. Село Степанчиково и его обитатели // Отеч. зап.— 1859.— № 11.— С. 65—206; № 12.— С. 343—410.— 1 экз.

19. Записки из Мертвого дома // Рус. мир.— 1860.— 1 сент. (№ 67); 1861.— 4 янв. (№ 1); 11 янв. (№ 3); 25 янв. (№ 7); То же // Время.— 1861.— № 4.— С. 1—68; № 9.— С. 243—272; № 10.— С. 461—496; № 11.— С. 325—360; 1862.— № 1.— С. 321—336; № 2.— С. 565—597; № 3.— С. 313—351; № 5.— С. 291—326; № 12.— С. 235—240.— 1 экз.

20. Сочинения: В 2 т. / Изд. Н. А. Основского.— М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1860.— Т. 1: Бедные люди. Неточка Незванова. Белые ночи. Честный вор. Елка и свадьба. Чужая жена и муж под кроватью. Маленький герой.— 544 с.; Т. 2: Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели.— 420 с.— 2 экз.

21. Униженные и оскорбленные // Время.— 1861.— № 1.— С. 5—92; № 2.— С. 417—474; № 3.— С. 235—324; № 4.— С. 615—683; № 5.— С. 269—314; № 6.— С. 535—582; № 7.— С. 287—314.— 1 экз.

22. Униженные и оскорбленные: В 2 т.— Испр. изд.— СПб.: Тип. Э. Праца, 1861.— Т. 1.— 276 с.; Т.2.— 306 с.— 1 экз.

23. Записки из Мертвого дома / Изд. А. Ф. Базунова.— СПб.: Тип. Э. Праца, 1862.— Ч. 1.— 269 с.— 2 экз.

24. Записки из Мертвого дома: В 2 ч. / Изд. А. Ф. Базунова.— 2-е изд.— СПб.: Тип. И. Огризко, 1862.— Ч. 1.— 269 с.; Ч. 2.— 198 с.— 2 экз.

25. Скверный анекдот // Время.— 1862.— № 11.— С. 299—352.— 1 экз.

26. Зимние заметки о летних впечатлениях // Время.— 1863.— № 2.— С. 289—318; № 3.— С. 323—362.— 1 экз.

27. Записки из подполья // Эпоха.— 1864.— № 1/2.— С. 497—519; № 4.— С. 293—367.— 1 экз.

28. Бедные люди.— Вновь просмотр. авт. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 171 с.— 1 экз.

29. Белые ночи.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 24 с.— 2 экз.

30. Господин Прохарчин.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 72 с.— 2 экз.

31. Записки из Мертвого дома.— 3-е, просмотр. и доп. новыми гл. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 415 с.— 1 экз.

32. Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже // Эпоха.— 1865.— № 2.— С. 1—40.— 1 экз.

33. Полное собрание сочинений.— Вновь просмотр. и доп. самим авт.: В 4 т.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865—1870.— На обл.: Сочинения Ф. М. Достоевского.— (Собр. соч. рус. авт. …).— Т. 1: Хозяйка. Господин Прохарчин. Слабое сердце. Записки из Мертвого дома. Бедные люди. Белые ночи. Честный вор.— 1865.— 274 с.— (… Вып. 7); Т. 2: Униженные и оскорбленные. Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже. Скверный анекдот. Записки из подполья. Зимние заметки о летних впечатлениях.— 1865 (На обл.: 1866).— 256 с.— (… Вып. 8); Т. 3: Игрок: (Из записок молодого (!) человека). Двойник. Елка и свадьба. Чужая жена и муж под кроватью. Маленький герой. Неточка Незванова. Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели.— Новое, доп. изд.— 1866.— 374 с.— (… Вып. 9); Т. 4: Преступление и наказание.— Новое, испр. и доп. изд.— 1870.— 225 с.— (… Вып. 14).— 1 экз.

34. Слабое сердце.— Вновь просмотр. самим авт. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 61 с.— 1 экз.

35. Хозяйка.— Вновь просмотр. самим авт. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 106 с.— 2 экз.

36. Честный вор.— Вновь просмотр. самим авт. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1865.— 24 с.— 2 экз.

37. Двойник.— Новое, перед. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 219 с.— 1 экз.

38. Дядюшкин сон.— Новое, просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 182 с. — 2 экз.

39. Елка и свадьба.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 13 с.— 1 экз.

40. Записки из подполья.— Новое, просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 146 с.— 1 экз.

41. Зимние заметки о летних впечатлениях.— Новое, просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 94 с.— 1 экз.

42. Игрок.— Новое, доп. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 191 с.— На обл.: Написано для полн. собр. рус. авт.— 1 экз.

43. Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже.— Вновь просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 51 с.— 1 экз.

44. Маленький герой.— Новое, просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 51 с.— 1 экз.

45. Преступление и наказание // Рус. вестн.— 1866.— № 1.— С. 35—120; № 2.— С. 470—574; № 4.— С. 606—689; № 6.— С. 742—793; № 7.— С. 241—263, № 8.— С. 690—723; № 11.— С. 79—155; № 12.— С. 450—488.— 1 экз.

46. Село Степанчиково и его обитатели.— Новое просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 293 с.— 1 экз.

47. Скверный анекдот.— Новое, просмотр. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1866.— 74 с.—1 экз.

48. Идиот // Рус. вестн.— 1868.— № 1.— С. 83—176; № 2.— С. 561—656; № 4.— С. 624—651; № 5.— С. 124—159; № 6.— С. 501—546; № 7.— С. 175—225; № 8.— С. 550—596; № 9.— С. 223—272; № 10.— С. 532—582; № 11.— С. 240—289; № 12.— С. 705—758.— 1 экз.

49. Вечный муж // Заря.— 1870.— № 1.— С. 1—79; № 2.— С. 3—82.—1 экз.

50. Бесы // Рус. вестн.— 1871.— № 1.— С. 5—68; № 2.— С. 591—666; № 4.— С. 415—463; № 7.— С. 72—143; № 9.— С. 131—191; № 10.— С. 550—592; № 11.— С. 261—294; 1872.— № 11.— С. 305—392; № 12.— С. 708—756.— 1 экз.

51. Вечный муж.— СПб.: Изд. книгопродавца А. Ф. Базунова, 1871.— 239 с.— (Б-ка соврем. писателей).— 2 экз.

52. Бесы: В 3 ч.— СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873.— Ч. 1.— 294 с.; Ч. 2.— 358 с.; Ч. 3.— 311 с.— 2 экз.

53. Идиот.— СПб.: Тип. К. Замысловского, 1874.— Т. 1, ч. 1—2.— 387 с.— С автогр. Ф. М. Достоевского.— 1 экз.

54. Идиот: В 2 т.— СПб.: Тип. К. Замысловского, 1874.— Т. 1.— С. 387; Т. 2.— 355 с.— 2 экз.

55. Маленькие картинки: (В дороге) // Складчина: Лит. сб., сост. из тр. рус. литераторов в пользу пострадавших от голода в

Самар. губ.— СПб., 1874.— С. 454—478.— 1 экз.

56. Записки из Мертвого дома: В 2 ч.— 4-е изд.— СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1875.— Ч. 1.— 244 с.; Ч. 2.— 180 с.— 1 экз.

57. Подросток // Отеч. зап.— 1875.— № 1.— С. 11—100; № 2.— С. 349—444; № 4.— С. 421—476; № 5.— С. 151—232; № 9.— С. 161—230; № 11.— С. 173—230; № 12.— С. 435—516.— 1 экз.

58. Дневник писателя за 1876 год.— СПб.: Тип. кн. В. В. Оболенского, 1876.— 335 с.— 1 экз.

59. Подросток: В 3 ч.— СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876.— Ч. 1.— 247 с.; Ч. 2.— 184 с.; Ч. 3.— 277 с.— На обл.: Платон Евгеньевич Кехрибадржи.— 1 экз.

60. Кроткая // Русский сборник: Беспл. прил. для подписчиков «Гражданина».— СПб.: Тип. кн. В. В. Оболенского, 1877.— Т. 1.— С. 127—172.— 1 экз.

61. Кроткая // Русский сборник: Беспл. прил. для подписчиков «Гражданина».— 2-е изд.— СПб.: Тип. кн. В. В. Оболенского, 1877.— Т. 1.— С. 127—172.— 1 экз.

62. Преступление и наказание: В 2 т.— 4-е изд.— СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877.— Т. 1.— 314 с.; Т. 2.— 318 с.— 2 экз.

63. Дневник писателя за 1877 год.— СПб.: Тип. В. Ф. Пуцыковича, 1878.— 326 с.— 2 экз.

64. Дневник писателя за 1877 год.— СПб.: Тип. кн. В. В. Оболенского, 1878.— 326 с.— 1 экз.

65. Братья Карамазовы // Рус. вестн.— 1879.— № 1.— С. 103—207; № 2.— С. 602—684; № 4.— С. 678—738; № 5.— С. 369—409; № 6.— С. 736—779; № 8.— С. 649—699; № 9.— С. 310—353; № 10.— С. 674—711; № 11.— С. 276—332; 1880.— № 1.— С. 179—255; № 4.— С. 566—623; № 7.— С. 174—221; № 8.— С. 691—753; № 9.— С. 248—292; № 10.— С. 477—551; № 11.— С. 50—73.— 1 экз.

66. Дневник писателя за 1876 год.— 2-е изд.— СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879.— 32 с.— 1 экз.

67. Дневник писателя за 1876 год.— СПб.: Тип. Ю. Штауфа (И. Фишона), 1879.— 336 с.— 2 экз.

68. Униженные и оскорбленные.— 5-е изд.— СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879.— 476 с.— 2 экз.

69. Дневник писателя. 1880 год.— Единств. вып.— 2-е изд.—

СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1880.— 64 с.— 1 экз.

70. Дневник писателя. 1880 год.— Единств. вып.— СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1880.— 64 с.— 1 экз.

71. Речь о Пушкине // Моск. ведомости.— 1880.— 13 июня (№ 162).— 1 экз.

72. Братья Карамазовы: В 2 т.— СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1881.— Т. 1.— 509 с.; Т. 2.— 699 с.— 1 экз.

73. Чужая жена и муж под кроватью.— Новое, перед. изд.— СПб.: Ф. Т. Стелловский, 1886.— 57 с.— 1 экз.

III. СПИСОК РЕДКИХ ИЗДАНИЙ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ, ИМЕЮЩИХСЯ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

1. **Адрианов С. А.** Революция перед судом Достоевского: Конспект лекции.— Екатеринослав: Тип. И. Коган, 1914.— 2 с.

2. **Алисов П. Ф.** Федор Михайлович Достоевский: (Примеч. к овациям).— Geneve: Impr. russe, 1881.— 15 с.— Без тит. л. и обл.

3. **Антоний**, митрополит [Храповицкий А. П.]. Словарь к творениям Достоевского «Не должно отчаиваться».— София: Рос.-болгар. книгоизд-во, 1921.— 185 с.

4. **Бем А. Л.** Достоевский: Психоаналит. этюды.— Берлин: Петрополис, 1938.— 192 с.

5. **Бем А. Л.** К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского.— Прага: Уния, 1928.— 32 с.

6. **Бердяев Н. А.** Миросозерцание Достоевского.— Прага: The YMCA-PRESS, 1923.— 235 с.

7. **В память Ф. М. Достоевского:** Торжеств. общее собр. С.-Петерб. Славян. благотворит. о-ва 14 февр. 1881 г.: (Речи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Майкова, Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера. Стихи К. К. Случевского и М. А. Хитрово); Отчет о деятельности Общества в 1880 г.— СПб.: Тип. С. Добродеева, 1881.— 62 с.

8. **Вышеславцев Б. П.** Русская стихия у Достоевского.— Берлин: Обелиск, 1923.— 54 с.

9. **Гришин Д. В.** «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского.— Мельбурн: Отд. рус. яз. и лит. Мельбурн. ун-та, 1966.— 270 с.

10. **Федор Михайлович Достоевский:** [Биогр. очерк] / Сост. К. П. М.; Под ред. Вс. С. Соловьева.— СПб.: Постоян. комис. нар. чтений, 1900.— 38 с.

11. **Федор Михайлович Достоевский:** Крат. биогр.— Вологда: Север. изд. В. О. Жеглинского, 1908.— 20 с.— В конце: Б. Э. П.

12. **Федор Михайлович Достоевский:** Крат. очерк его жизни и деятельности.— М.: Изд. журн. «Записки учителя», 1881.— 14 с.

13. **Достоевский:** Однодневн. газ. Рус. библиол. о-ва., 30

окт. 1821 — 30 окт. 1921.— Пг.: Гос. изд., 1921.— 34 с.

14. **Ф. М. Достоевский как проповедник христианского возрождения и вселенского православия**.— М., 1908.— 59 с.— (Религ.-филос. б-ка).

15. **Зеньковский В. В.** История русской философии: В 2 т.— Париж: YMCA-PRESS, 1948—1950.— Т. 1.— 1948.— 470 с.; Т. 2.— 1950.— 477 с.

16. **Идея католичества в произведениях Достоевского**.— Сергиев Посад, 1914.— 45 с.— (Религ.-филос. б-ка; Вып. 35).

17. **Каразин Н. Н.** Пятнадцать акварельных картин к сочинениям Ф. М. Достоевского.— СПб.: С. Добродеев, 1893.— 6 л. цвет. ил.

18. **Лапшин И. И.** Эстетика Достоевского.— Берлин: Обелиск, 1923.— 101 с.

19. **Лосский Н. О.** Достоевский и его христианское миропонимание.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953.— 408 с.

20. **Малинин В. Н.** Ф. М. Достоевский, особенности и развитие его дарования и творчества: Речь, произнесен. в день годич. акта Киев. духов. акад. (26 сент. 1906 г.).— Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1906.— 33 с.— Отт. из «Трудов Киев. духов. акад.».

21. **Мочульский К. В.** Достоевский: Жизнь и творчество.— Париж: YMCA-PRESS, 1980.— 563 с.

22. **Никольский Ю. Н.** Тургенев и Достоевский: (История одной вражды).— София: Рос.-Болгар. книгоизд-во, 1921.— 108 с.

23. **О Достоевском**: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема.— Прага: Петрополис, 1929.— Т. 1.— 280 с.

24. **О Достоевском**: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема.— Прага: Петрополис, 1933.— Т. 2.— 222 с.

25. **О Достоевском**: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема.— Т. 3: Бем А. Л. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский.— Прага: Петрополис, 1936.— 215 с.

26. **Скобцова Е.** [Е. Ю. Кузьмина-Караваева]. Достоевский и современность.— Париж: YMCA-PRESS, 1929.— 75 с.

27. **Слоним М. Л.** Три любви Достоевского.— Нью-Йорк: Изд.

им. Чехова, 1953.— 317 с.

28. **Смирнов А. В.**. Социализм в оценке Ф. М. Достоевского.— Казань: Б. и., 1907.— 74 с.

29. **Таубе М.**. Памятка о Ф. М. Достоевском.— Харьков: Б. и., 1906.— 32 с.

30. **Трубицын Н. Н.** Достоевский и дети: (Читано 8 дек. 1902 г. в Кронштадт. жен. гимназии).— Кронштадт: Б. и., 1903.— 42 с.— Отт. из газ. «Кронштадт. вестн.» за 1902—1903 гг.

31. **Уманцев А. А.** Композиция главных романов Достоевского.— Прага: Б. и., 1946.— 24 с.— Множит. аппарат. На правах рукоп.

32. **Шестов Л. [Шварцман Л. И.]** Достоевский и Ницше: (Философия трагедии).— Берлин: Скифы, 1922.— 157 с.

33. **Шестов Л. [Шварцман Л. И.]** Умозрение и откровение.— Париж: YMCA-PRESS, 1964.— 346 с.

34. **Штейнберг А. З.** Система свободы Ф. М. Достоевского.— Берлин: Скифы, 1923.— 145 с.

IV. СПИСОК РАБОТ СОТРУДНИКОВ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ

Н. Н. Страхов

1. Наша изящная словесность: Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Изд. Стелловского. Т. 1—2. 1865—1866. «Преступление и наказание». «Русский вестник», 1866 // Отеч. зап.— 1867.— № 2.— С. 544—556.

2. Наша изящная словесность: Преступление и наказание. Изд. испр. 2 тома. СПб., 1867 // Отеч. зап.— 1867.— № 3.— С. 325—340; № 4.— С. 514—527; То же // Страхов Н. Н. Литературная критика.— М., 1984.— С. 96—122.

3. В память Ф. М. Достоевского: Торжеств. общее собр. С.-Петерб. Славян. благотворит. о-ва 14 февр. 1881 г.: (Речи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Майкова, Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера…).— СПб.: Тип. С. Добродеева, 1881.— 62 с.; То же // Русь.— 1881.— 28 февр. (№ 16).

4. Федор Михайлович Достоевский: [Некролог]; Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском // Семейные вечера.— 1881.— № 2.— С. 219—224, 235—248.

5. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки.— СПб., 1883.— С. 179—326.

Э. Л. Радлов

1. Соловьев и Достоевский // Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина.— Пб.: Мысль, 1922.— С. 153—172.

Д. В. Философов

1. Иван и черт: [«Братья Карамазовы» в МХТ] // Речь.— 1911.— 21 апр. (№ 107).

2. Споры о задачах театра: [«Братья Карамазовы» в МХТ] // Там же.— 1911.— 7 мая (№ 123).

3. Достоевский: Загадки русской культуры // Старое и новое: Сб. ст. по вопросам искусства и лит-ры.— М., 1912.— С. 162—175.

4. Постановка «Братьев Карамазовых» [в МХТ] // Там же.— С. 176—187.

5. Опасный путь: (Письмо в ред.): [По поводу протеста М. Горького о постановке в МХТ Достоевского] // Рус. слово.— 1913.— 29 сент. (№ 224).

6. Порочный Достоевский: [По поводу протеста М. Горького о постановке в МХТ Достоевского] // Рус. слово.— 1913.— 11 окт. (№ 234).

7. Анна Григорьевна Достоевская: [Некролог] // Наш век.— 1918.— № 125.

Л. А. Зандер

1. Архив Достоевского // Путь.— Париж, 1927.— № 6.— С. 133—134.

2. Тайна добра: Проблема добра в творчестве Достоевского.— Frankfurt a/M: Посев, 1960.— 155 с.

3. Dostoievsky: Le probléme du bien.— Paris: Corrêa, 1946.— 179 p.

4. Dostoievsky.— London: SCM Press, 1948.— 148 p.

Н. П. Анциферов

1. Петербург Достоевского (опыт лит. экскурсии) // Экскурс. дело.— Пг., 1921.— № 2/3.— С. 49—68.

2. Душа Петербурга.— Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922.— 226, [1] с.; То же // Непостижимый город.— Л., 1991.— С. 24—175.

3. Петербург Достоевского / Рис. М. В. Добужинского.— Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1923.— 106 с.; То же // Непостижимый город.— Л., 1991.— С. 176—257.

Н. А. Соколов

1. Материалы для библиографии Ф. М. Достоевского 1903—1923 гг. // Ф. М. Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина.— Л.; М.: Мысль, 1924.— Сб. 2.— С. 1—122 (Прил.).

Р. Б. Заборова

1. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. д-ра филол. наук В. С. Нечаевой.— М.: Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1957.— 588 с., 5 л. ил.

2. Рукописи Ф. М. Достоевского: Кат.— Л.: Гос. Публ. б-ка, 1963.— [1], VII, 65 л.

3. Ф. М. Достоевский и Литературный фонд // Рус. лит.— 1975.— № 3.— С. 158—170.

О. Д. Голубева

1. «Мне выпало счастье близости к Достоевскому» // Автографы заговорили...— М.: Кн. палата, 1991.— С. 94—100.

С. В. Белов

Книги авторские

1. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965 гг.— М.: Книга, 1968.— 407 с. (совм. с В. В. Акопджаковой, Г. В. Коган, Г. Б. Пономаревой).

2. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Коммент.: Кн. для учителя / Под ред. [и с предисл.] Д. С. Лихачева.— Л.: Просвещение. Ленигр. отд-ние, 1979.—240 с.; То же.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Просвещение, 1984.— 240 с.

3. Ф. М. Достоевский и театр. 1846—1977: Библиогр. указ.— Л.: ЛГИТМИК, 1980.— 179 с.

4. Романтика книжных поисков.— М.: Книга, 1986.— 173, [1] с.

5. Жена писателя: Последняя любовь Ф. М. Достоевского /

Предисл. Д. С. Лихачева.— М.: Сов. Россия, 1986.— 206, [2] с.

6. Федор Михайлович Достоевский: Кн. для учителя.— М.: Просвещение, 1990.— 206, [2] с.

7. «Меня спасла каторга»: Повесть о Достоевском и петрашевцах.— СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2000.—147 с.

8. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: В 2 т.— СПб.: Алетейя, 2001. (Рос. нац. б-ка).

Вступительные статьи, послесловия, примечания, подготовка текста, публикации

9. Достоевская А. Г. Воспоминания.— М.: Худож. лит., 1971.— 496 с., 9 л. ил.; То же.— 2-е изд., доп.— М.: Правда, 1981.— 518 с., 9 л. ил.; То же.— 3-е изд., доп.— М.: Правда, 1987.— 541, [2] с., [8] л. ил. (совм. с В. А. Тунимановым).

10. Л. Ф. Достоевская об отце // Лит. наследство.— М., 1973.— Т. 86.— С. 291—309.

11. Трубецкая З. А. Достоевский и А. П. Философова // Рус. лит.— 1973.— № 3.— С. 116—118.

12. Достоевский Ф. М. Повести и рассказы.— Л.: Детгиз, 1974.— 128 с.

13. Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка.— Л.: Наука, 1976.— 483 с., [3] л. ил.; То же.— 2-е изд.— 1979.— 483 с., [3] л. ил. (совм. с В. А. Тунимановым).

14. Достоевский Ф. М. Подросток.— М.: Сов. Россия, 1977.— 478 с.; То же.— 2-е изд.— М., 1979.— 478 с.

15. Кузьмина-Караваева Е. Достоевский и современность // Байкал.— 1979.— № 4.— С. 136—141.

16. Достоевский Ф. М. Белые ночи / Рис. М. В. Добужинского.— Л.: Изокомбинат «Художник РСФСР», 1981.— 81 с.: ил. в футл.; То же.— 2-е изд.— Л., 1985.—82 с.: ил.

17. Достоевский Ф. М. Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова. «Бедные люди» в переписке Ф. М. Достоевского, воспоминаниях современников и русской критике.— М.: Правда, 1987.— 413, [2] с.

18. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского: Главы из книги // Волга.— 1989.— № 10.— С. 146—166.

19. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери.— СПб.: Андреев и сыновья, 1992.— 244, [1] с.: портр.

21. Две любви Ф. М. Достоевского: Барон А. Е. Врангель. Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854—56 гг.; А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским.— СПб.: Андреев и сыновья, 1992.— 397 с.: портр.

20. Достоевский А. М. Воспоминания.— СПб.: Андреев и сыновья, 1992.— 397 с.: портр.

22. Последняя любовь Ф. М. Достоевского. А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года.— СПб.: Андреев и сыновья, 1993.— 459, [2] с.: портр.

23. Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников.— СПб.: Андреев и сыновья, 1993.— 331 с.: портр.

24. Русские эмигранты о Достоевском.— СПб.: Андреев и сыновья, 1994.— 427, [2] с.

25. Преступление и наказание.— М.: Просвещение, 1995.— 509, [2] с.: ил.

Основные статьи и библиографические указатели

26. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена.— Л., 1969.— Т. 320.— С. 274—315.

27. Библиография произведений Достоевского и литературы о нем. 1966—1969 // Достоевский и его время.— Л., 1971.— С. 322—356.

28. О художественном мастерстве Достоевского // Рус. речь.— 1971.— № 5.— С. 3—10.

29. Имена и фамилии у Достоевского // Рус. речь.— 1976.— № 5.— С. 27—31.

30. Вокруг Достоевского / Предисл. Д. С. Лихачева // Новый мир.— 1985.— № 1.— С. 192—215.

31. Достоевский и Платон // Проблемы изучения культурного наследия.— М., 1985.— С. 267—273.

32. Достоевский и Карамзин // Москва.—1988.— № 5.— С. 136—140.

33. «Гений и злодейство — две вещи несовместные» // Грани.— Frankfurt a/M.— 1989.— Вып. 154.— С. 108—169.

34. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920—1971) // Достоевский: Материалы и исслед.— СПб., 1992.— Т. 10.— С. 255—282.

35. Курьезы в порядке алфавита // Библиогр.— 1996.— № 6.— С. 81—88.

36. Свидетельствуют: 2381 современник великого писателя // Слово.— 1997.— № 11/12.— С. 39—43.

37. Под прессом советской идеологии // Слово.— 1998.— № 6.— С. 94—98.

38. Огарок свечи: Искусство символ. чтения романов Ф. М. Достоевского // Дальний Восток.— 2000.— № 1—2.— С. 248—256.

39. Сокаторжники по Омскому острогу; Достоевский и евреи // Слово.— 2000.— № 6.— С. 61—65.

40. Списки каторжников Омского острога 1852—1853 гг. — времени пребывания на каторге Ф. М. Достоевского // Памятники культуры. Новые открытия...: Ежегодник.— 1999.— М., 2000.— С. 83—100.

41. Христианский смысл романа «Бесы» // Традиции в контексте русской культуре.— Череповец, 2000.— Вып. 7.— С. 76—88.

Примечания

Предисловие

[1] Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского: (По неизд. материалам и с прил. кат. б-ки Достоевского). Одесса, 1919. С. 5.

[2] См. об этом подробнее в ст.: Комарович В. Л. Юность Достоевского // Былое. 1924. № 3. С. 3—43.

[3] Список книг библиотеки Петрашевского см. в ст.: Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский // Голос минувшего. 1913. № 8. С. 53—54.

[4] См. подробнее: Белов С. В. Достоевский читатель (читательские интересы и их творческое преломление) // История русского читателя: Сб. науч. тр. / Лен. гос. ин-т культуры. Л., 1979. Вып. 3. С. 36—46.

[5] В 1873 г. Достоевский советовал корректору В. В. Тимофеевой спросить в Публичной библиотеке «Отечественный записки» за 1840—1845 гг. со статьями А. И. Герцена (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 151).

I. Встречи Ф. М. Достоевского с сотрудниками Публичной библиотеки

[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 1. Л., 1985. С. 115.

[2] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14, кн. 1. СПб., 1998. С. 55.

[3] Немзер А. С., Осповат А. Л. Две заметки о В. Г. Белинском // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. № 1. С. 68. См. также: Голубева О. Д. В. Ф. Одоевский. СПб., 1995. С. 68—69.

[4] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. 1-е полн. рус. изд. СПб., 1992. С. 45.

[5] Голубева О. Д. Одоевский Владимир Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биогр. слов. Т. 1. Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. СПб., 1995. С. 386. В дальнейшем: Сотрудники Российской национальной библиотеки… Т. … С. …

[6] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. 2. Л., 1990. С. 57.

[7] Там же. Т. 28, кн. 1. 1985. С. 205. Письмо к Одоевскому не сохранилось.

[8] Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Рус. лит. 1974. № 3. С. 203—206.

[9] Итокава К. Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: Обзор истории сравнит. исслед. их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творч. связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания». Гумма, 1987. [1], 50 с.

[10] Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962. С. 126. См. также: Левина Л. А. Два князя: (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский: Материалы и исслед. Л., 1997. Т. 14. С. 139—152.

[11] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 291.

[12] Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биогр. в датах и документах. М.; Л., 1935. С. 238.

[13] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 199.

[14] Острой О. С. Петров Петр Николаевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки… Т. 1. С. 406.

[15] Биржевые ведомости. 1873. № 6.

[16] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1995. Т. 3. С. 67.

[17] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 252. В дальнейшем: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. … С. …

[18] Стасов В. В. Вторая передвижная художественная выставка // С.-Петерб. ведомости. 1873. 23 янв. (№ 23).

[19] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 227.

[20] Стасов В. В. Прискорбные эстетики // Нов. время. 1877. 8 янв. (№ 310).

[21] См.: Знамя. 1991. № 11. С. 165.

[22] Михеева Г. В. Страхов Николай Николаевич // Сотрудники

Российской национальной библиотеки… Т. 1. С. 507.

[23] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 270—271.

[24] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л., 1986. С. 235—236.

[25] Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870—1894. СПб., 1914. Т. 2. С. 307—310.

[26] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 117—329.

[27] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 66. С. 253—254.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 560.

[31] Там же. С. 396.

[32] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 2. Л., 1986. С. 16—17.

[33] Там же. Т. 21. 1980. С. 267.

[34] Там же. Т. 11. 1974. С. 289.

[35] Кирпотин В. Я. Достоевский, Страхов и Евгений Павлович Радомский // Знамя. 1972. № 9. С. 224—231; № 10. С. 221—228.

[36] Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). 2-е изд.. СПб., 1887. С. 92.

[37] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 273.

[38] Лит. наследство. М., 1971. Т. 83. С. 623.

[39] Там же. С. 466.

[40] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 239—240.

[41] Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Лит. наследство. М., 1971. Т. 83. С. 23.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.,1993. С. 25—26. В дальнейшем:

Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. С. …

[45] См. напр.: Переписка А. Г. Достоевской с современниками / Публ. С. В. Белова // Байкал. 1976. № 5. С. 144.

[46] Там же.

[47] Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971. С. 395—406.

[48] Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. 110 с.

II. Автографы Ф. М. Достоевского в Публичной библиотеке

[1] Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и ее время // Сборник памяти А. П. Философовой. Пг., 1915. Т. 1. С. 258. В дальнейшем: Тыркова А. В. С. …

[2] Там же.

[3] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1995. Т. 2. С. 309.

[4] Гурвич И. Памяти выдающейся русской женщины // Вест. лит. 1915. № 10. С. 234.

[5] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 2. Л., 1986. С. 145.

[6] Тыркова А. В. С. 258—259.

[7] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 2. Л., 1986. С. 176.

[8] Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. С. 24—28.

[9] Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 540—541.

[10] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 1. Л., 1985. С. 147—148.

[11] Там же. Т. 3. 1972. С. 424.

[12] Там же. Т. 20. 1980. С. 137—139. Подробнее см.: Виноградов В. В. Достоевский и А. А. Краевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 17—32.

[13] Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биогр. в датах и документах. М.; Л., 1935. С. 211.

[14] Речь идет об окончании публикации в «Русском вестнике» «Братьев Карамазовых».

[15] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. 1. Л., 1988. С. 223.

[16] Достоевский: Материалы и исслед. Л., 1974. Т. 1. С. 241—254.

[17] Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. С. 30.

[18] Там же. С. 31.

[19] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. 1. Л., 1988. С. 219—220.

[20] Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 551.

[21] Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Рус. старина.— 1918. № 1/2. С. 13—20.

[22] Цит.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 163.

[23] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. 1. Л., 1988. С. 20.

[24] Там же. С. 21.

[25] Там же. С. 7.

[26] Там же. Т. 23. 1981. С. 139—141.

[27] Там же. Т. 24. 1982. С. 38—39, 43.

[28] Там же. Т. 26. 1984. С. 103—106.

[29] Там же. Т. 28, кн. 2. 1985. С. 30.

[30] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1993. Т. 1. С. 142.

[31] Милюков А. П. Преступные и несчастные // Светоч. 1861. № 5. С. 27—40.

[32] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 283—285.

[33] Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 131.

[34] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1985. С. 202, 233.

[35] Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. [4], 281 с.

[36] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. 1.

Л., 1988. С. 129.

[37] Там же. Т. 28, кн. 2. 1988. С. 97.

[38] Там же. Т. 28, кн. 1. 1985. С. 248.

[39] Там же. С. 249.

[40] Там же. Т. 29, кн. 2. 1986. С. 80.

[41] Достоевский: Материалы и исслед. Л., 1983. Т. 5. С. 246—247.

[42] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1985. С. 17.

[43] Там же. Т. 29, кн. 1. 1986. С. 305.

[44] Александров М. А. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика // Рус. старина. 1892. № 4. С. 177—207; № 5. С. 293—336.

[45] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л., 1986. С. 36.

[46] Там же. Т. 29, кн. 2. 1986. С. 174—175.

[47] Там же. С. 175.

[48] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2.. С. 360—362.

[49] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1995. Т. 3. С. 378, 390.

[50] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30, кн. I. Л., 1988. С. 189.

[51] Там же. С. 192.

[52] Там же. Т. 28, кн. 2. 1985. С. 31—33.

[53] Заборова Р. Б. Ф. М. Достоевский и Литературный фонд // Рус. лит. 1975. № 3. С. 158—170; Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1866) // Достоевский: Материалы и исслед. Л., 1987. Т. 7. С. 238—260.

[54] Достоевский Ф. М. Письма / Под ред. А. С. Долинина. М., 1934. Т. 3. С. 299.

[55] Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 424.

[56] Соловьев Вс. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ист. вестн. 1881. № 3. С. 602—616.

[57] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1.

Л., 1986. С. 259.

[58] Соловьев Вс. С. Наши журналы: [О «Подростке»] // С.-Петерб. ведомости. 1875. 1 февр. (№ 32); То же. 1 марта (№ 58); Русские журналы: [О «Подростке»] // Рус. мир. 1875. 24 дек. (№ 262); Современная литература: [О «Подростке»] // Там же. 1876. 24 янв. (№ 23); Современная литература: [О «Дневнике писателя»] // Там же. 8 февр. (№ 38); Мысли по поводу восточного вопроса: [О «Дневнике писателя»] // Там же. 18 июля (№ 196).

[59] Соловьев Вс. С. О «Дневнике писателя» 1876 года // Рус. мир. 1876. 8 февр.; 18 июля.

[60] Там же. Т. 26. 1984. С. 150.

III. Прижизненные издания Ф. М. Достоевского в Публичной библиотеке

[1] Достоевская А. Г. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Федора Михайловича Достоевского» в Московском историческом музее. 1846—1903. СПб., 1906. С. 15.

[2] Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 163.

[3] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л., 1986. С. 189—190.

[4] [Отчет о процессе между Ф. Стелловским и Л. И. Шестаковой] // Голос. 1867. 18 (30) мая. (№ 136); То же // С.-Петерб. ведомости. 1867. 18 (30) мая (№ 136). См. подробнее: Бочаров И. П. Дело Ф. Стелловского с Л. Шестаковой о музыкальных сочинениях М. И. Глинки, изложенное И. П. Бочаровым. СПб., 1867. 29 с.

[5] Шестакова Л. И. Последние годы жизни и кончина Михаила Ивановича Глинки // Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1930. С. 418—419.

[6] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1985. С. 159—160. Более подробно о контракте со Стелловским Достоевский рассказал в письме к адвокату В. И. Губину от 8(20) мая 1871 г. (Там же. Т. 29, кн. 1. 1986. С. 209—214).

[7] См. об этом: Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. [4], 281 с.; Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971. 496 с.

[8] Достоевская А. Г. Воспоминания. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971. С. 66.

[9] Судеб. вестн. 1873. 16 нояб. (№ 247).

[10] См. об этом письма Достоевского первой половины 1870-х годов (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л., 1986).

[11] Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971. С. 194.

[12] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 237.

[13] Там же. Т. 7. 1973. С. 372.

[14] Отдельные издания Ф. Т. Стелловского: Бедные люди. Вновь просмотр. авт. изд. СПб., 1865. 171 с.; Двойник. Новое передел. изд. СПб., 1866. 219 с.; Господин Прохарчин. СПб., 1865. 45 с.; Хозяйка. Вновь просмотр. самим авт. изд. СПб., 1865. 106 с.; Чужая жена и муж под кроватью. Новое передел. изд. СПб., 1866. 57 с.; Слабое сердце. Вновь просмотр. самим авт. изд. СПб., 1865. 61 с.; Честный вор. Вновь просмотр. самим авт. изд. СПб., 1865. 24 с.; Записки из Мертвого дома. 3-е просмотр. и доп. новыми главами изд. СПб., 1865. 415 с.; Елка и свадьба. СПб., 1866. 13 с.; Белые ночи. СПб., 1865. 72 с.; Маленький герой. Новое просмотр. изд. СПб., 1866. 52 с.; Дядюшкин сон. Новое просмотр. изд. СПб., 1866. 182 с.; Скверный анекдот. Новое просмотр. изд. СПб., 1866. 74 с.; Зимние заметки о летних впечатлениях. Новое просмотр. изд. СПб., 1866. 94 с.; Записки из подполья. Новое просмотр. изд. СПб., 1866. 146 с.; Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже. Новое просмотр. изд. СПб., 1866. 51 с.; Игрок. Новое доп. изд. СПб., 1866. 191 с.

[15] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 1. Л., 1985. С. 113, 115.

[16] [Объявление о выходе «Петербургского сборника»] // Сев. пчела.— 1846. 24 янв. (№ 20).

[17] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 28—31.

[18] Там же. С. 31.

[19] Там же. Т. 29, кн. 2. 1986. С. 13.

[20] См., например, отрывок из дневника сестры Некрасова А. А. Буткевич о посещении 23 марта 1877 г. в ст.: Чуковский К. И. Забытое и новое о Достоевском // Речь. 1914. 6 апр. (№ 94).

[21] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 31.

[22] Там же. Т. 26. 1984. С. 111.

[23] Там же. С. 112.

[24] Там же. С. 126.

[25] Там же. Т. 28, кн. 2. 1985. С. 337.

[26] Там же. С. 28.

[27] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1993. Т. 1. С. 385, 389, 390, 392, 295, 400.

[28] ОР РГБ. Ф. 93/II, карт. 1, ед. хр. 65.

[29] Там же. Ф. 93/I, карт. III, ед. хр. 42.

[30] Белов С. В. Издательская деятельность А. Ф. Базунова // Роль книги в демократизации культуры: Сб. науч. тр. Л., 1987. С. 66—67.

[31] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1988. С. 172.

[32] Там же. Т. 29, кн. 1. 1986. С. 45.

[33] Там же. Т. 24. 1982. С. 147. См. подробнее: Белов С. В. Об одной нераскрытой записи Ф. М. Достоевского // Сюжет и время: Сб. науч. тр. к 70-летию Георгия Васильевича Краснова. Коломна, 1991. С. 139—142.

[34] Жизнь искусства. 1922. 10 янв. (№ 2).

[35] Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971. С. 267—269.

[36] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л., 1986. С. 260.

[37] Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. тек-

ста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971. С. 391. В 1921 г., к 100-летию со дня рождения Достоевского, Публичная библиотека устроила выставку прижизненных изданий писателя. См.: Вестн. лит-ры. 1921. № 10. С. 18; летопись Дома литераторов. 1921. № 1. С. 7.

IV. Редкие издания о Ф. М. Достоевском в Публичной библиотеке

[1] Бердяев Н. А. Ставрогин // Рус. лит. 1914. № 5. С. 81—89.

[2] Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 1.

[3] Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского. Берлин, 1923. С. 29.

[4] Там же. С. 35.

[5] Там же. С. 29.

[6] Шестов Л. [Шварцман Л. И.] Пророческий дар // Поляр. звезда. 1906. № 7. С. 481—493.

[7] Скафтымов А. П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavia. Прага, 1929. Т. 8, вып. 1. С. 101—117; 1930. Т. 8, вып. 2. С. 312—334.

[8] Шестов Л. [Шварцман Л. И.] О «перерождении убеждений» у Достоевского // Рус. записки. 1937. № 2. С. 125—154.

[9] Шестов Л. [Шварцман Л. И.] Кирхегорд и экзистенциальная философия. М., 1992. С. 21.

[10] Бем А. Л. Н. В. Станкевич в Праге // Центр. Европа. 1935. № 6; Русские в Праге // Там же. 1938. № 5—6.

[11] О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933. Т. 2. С. 4.

[12] Там же. Прага, 1936. Т. 3. С. 3.

[13] Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 6.

[14] Скобцова Е. [Кузьмина-Караваева Е. Ю.]. Достоевский и современность. Париж, 1929. С. 1.

[15] Вышеславцев Б. П. Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923. С. 1.

[16] Там же. С. 2.

[17] Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина.— Пб., 1922. С. 91—155.

[18] Вейдле В. Умирание искусства. Размышление о судьбе литературного и художественного творчества. СПб., 1996. С. 52—53.

[19] См. напр.: Федоров Г. А. Домыслы и логика фактов // Лит. газ. 1975. 18 июня; Трубецкая З. А. Достоевский и А. П. Философова // Рус. лит. 1973. № 3. С. 116—118.

[20] Иванов В. И. Основной миф в романе «Бесы» // Рус. мысль. 1914. № 4. С. 111—117.

[21] Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж, 1980. С. 535—536.

[22] Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского. Берлин, 1923. С. 143—144.

V. Работы сотрудников Публичной библиотеки о Ф. М. Достоевском

[1] Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 101—102, 122.

[2] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки.— СПб., 1883. С. 290.

[3] Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 179—326.

[4] Гессен С. И. «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» // Соврем. записки. Париж, 1931. Кн. 45. С. 271—305; Кн. 46. С. 321—351.

[5] Речь идет о ст.: Горький М. О «карамазовщине» // Рус. слово. 1913. 22 сент.; Ещё о «карамазовщине» // Там же. 1913. 27 окт.

[6] Философов Д. В. Опасный путь: (Письмо в ред.) // Рус. слово. 1913. 29 сент.; Порочный Достоевский // Там же. 1913. 11 окт.

[7] Зандер Л. А. Тайна добра: Проблема добра в творчестве Достоевского. Frankfurt a/M, 1960. С. 129—130.

[8] Саруханян Е. Достоевский в Петербурге. Л., 1972. 278 с.

[9] Достоевская А. Г. Библиографический указатель сочинений и

произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в Музее памяти Ф. М. Достоевского в Московском Историческом музее. 1846—1903. СПб., 1906. [2], II, 394 с.

[10] Волжский П. Московские силуэты: [О «Братьях Карамазовых» в МХТ] // Таганрог. вестн. 1910. 13 дек.; Он же. Театр и музыка: [Л. М. Леонидов в роли Дмитрия Карамазова] // Одес. новости. 1910. 5 нояб.; «Братья Карамазовы» в Московском Художественном театре // Приазов. край. Ростов н/Д. 1910. 1 нояб.; Глаголь С. [Голоушев С. С.] Обрывки «Бесов» на сцене Художественного театра // Утро Юга. Ростов н/Д. 1913. 10 нояб.; Геккер Н. Л. Привет М. Горькому // Одес. новости. 1913. 1 нояб.; Войтоловский Л. Н. Летучие наброски. Под флером либерализма // Киев. мысль. 1913. 23 нояб.

[11] Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1866) // Достоевский: Материалы и исслед. 1987. Сб. 7. С. 238—260.

Заключение

[1] Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 238.

[2] Бем А. Л. Гениальный читатель // О Достоевском: Сб. ст. Прага, 1933. Т. 2. С. 24.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза Ю. Ф.—
Аверкиев Д. В.—
Аверкиева С. В.—
Агин А. А.—
Адрианов С. А.—
Акопджанова В. В.—
Александр III —
Александров М. А.—
Алисов П. Ф.
Алчевская Х. Д.—
Андреева Е. И.—
Антоний, митрополит [Храповицкий А. П.]. —
Анциферов Н. П.—
Аполлонская-Стравинская И. А.—
Арабажин К. И.—

Базунов А. Ф.—
Байрон Дж. Г. Н.—
Балакирев М. А.—
Бальзак О., де —
Бахтин М. М.—
Безобразов П.—
Белинский В. Г.—
Белов С. В.—
Белый А. —
Бем А. Л.—
Берг Ф. Н.—
Бердяев Н. А.—
Березин И. Н.—
Бернардский Е. Е.—
Бестужев-Рюмин К. Н.—
Боборыкин П. Д.—
Боцяновский В. Ф.—

Бочаров И. П.—
Буткевич А. А.—
Быков П. В.—
Бычков А. Ф.—

Валиханов Ч. Ч.—
Вебер К.—
Вейденштраух Я.—
Вейдле В. В.—
Венгеров С. А.—
Верди Дж.—
Веселаго Ф. Ф.—
Виноградов В. В.—
Войтоловский Л. Н.—
Вожский П.—
Волынский А. Л.—
Врангель А. Е.—
Вышеславцев Б. П.—

Гаевский В. П.—
Гегель Г. В. Ф.—
Геккер Н. Л.—
Герасимова А. В.—
Герцен А. И.—
Гессен С. И.—
Гете И. В.—
Глазунов А. И.—
Глинка М. И.—
Гоголь Н. В.—
Голоушев С. С.—
Голубева О. Д.—
Гомер —
Горбунов И. И.—
Горький А. М.—
Гофман Э. Т. А.—

Градовский А. Д.—
Грибоедов А. С.—
Григорович Д. В.—
Григорьев Ап. А.—
Гришин Д. В.—
Гроссман Л. П.—
Губин В. И.—
Гурвич И.—
Гюго В.—

Даль В. И.—
Данте А. —
Даргомыжский А. С.—
Диккенс Ч.—
Димитрий Ростовский —
Добродеев С.—
Добролюбов Н. А.—
Добужинский М. В.—
Долинин А. С.—
Достоевская А. Г.—
Достоевская Л. Ф.—
Достоевский М. М.—
Достоевский Н. М.—
Дружинин А. В.—
Дуров С. Ф.—
Дюамель Ж.—

Ежов Н. М.—
Елисеев Г. З.—

Жеглинский В. О.—

Заборова Р. Б.—
Зайкин А. И.—

Замысловский К.—
Зандер Л. А.—
Захаров В. Н.—
Зеньковский В. В.—

Иванов А. П.—
Иванов Вяч. И.—
Иванова С. А.—
Ильинский Л. К.—
Исаак Сирин —
Исаев П. А.—
Итокава К. —

Кабе Э.—
Казанова Дж. Дж.—
Казанович Е. П.—
Камю А.—
Каразин Н. Н.—
Карамзин Н. М.—
Каченовский В. М.—
Каченовский М. Т.—
Кашина-Евреинова А. А.—
Кашпирева С. С.—
Кехрибарджи П. Е.—
Кирпотин В. Я.—
Ковалевский Е. П.—
Коган Г. В.—
Комарович В. Л.—
Кони А. Ф.—
Кононов —
Консидеран В.—
Конт О.—
Корвин-Круковская А. В.—
Корнель П.—
Корнилова Е. П.—

Котомин А. М.—
Краевский А. А.—
Край К. К.—
Краснов Г. В.—
Крестовский В. В.—
Круглов А. В.—
Кузьмина-Караваева Е. Ю.—
Кусков П. А.—
Кьеркегор С.—

Ламенне Ф. Р., де —
Ламовская А. Л.—
Ламовский А. М.—
Лапшин И. И.—
Лебедева Е. Н.—
Левина Л. А.—
Ленин В. И.—
Леонидов Л. М.—
Лихачев Д. С.—
Лоскутов И. П.—
Лосский Н. О.—
Льюис Д.—
Ляпунова А. С.—

Майков А. Н.—
Майков В. Н.—
Малеин А. И.—
Малинин В. Н.—
Маркс К.—
Мережковский Д. С.—
Миллер О. Ф.—
Мильгаузен А. Б.—
Мильгаузен Ф. Б.—
Милюков А. П.—
Милютин В. А.—

Михеева Г. В.—
Модзалевский Б. Л.—
Моцарт В. А.—
Мочульский К. В.—

Надеин М. П.—
Назиров Р. Г.—
Нарден —
Нейфельд И.—
Некрасов Н. А.—
Немзер А. С.—
Нечаева В. С.—
Никитенко А. В.—
Никольская Г. В.—
Никольский Ю. Н.—
Ницше Ф.—
Новицкий Ю. П.—

Оболенский В. В.—
Овсянников С. Т.—
Огрызко И.—
Одоевский В. Ф.—
Орнатская Т. И.—
Осипов Н. Е.—
Основский Н. А.—
Осповат А. Л.—
Островский А. Н.—
Острой О. С.—

Панаев И. И.—
Панаева А. Я.—
Пантелеевы —
Паретц В. Н.—
Перов В. Г.—

Петр I —
Петрашевский М. В.—
Петров П. Н.—
Пешкова-Толиверова А. Н.—
Писемский А. Ф.—
Платон —
Плетнев Р. В.—
Плещеев А. Н.—
Победоносцев К. П.—
Погодин М. П.—
Полонская Ж. П.—
Пономарева Г. Б.—
Потресов С. В.—
Прац Э.—
Путята А. Д.—
Пуцыкович В. Ф.—
Пушкин А. С.—

Радецкий Ф. Ф.—
Радлов Э. Л.—
Ратькова-Рожнова З. В.—
Репин И. Е.—
Риви Д.—
Ризенкампф А. Е.—
Розенблюм Л. М.—
Руссо Ж. Ж.—
Рыкачев М. А.—

Савельев А. И.—
Салтыков-Щедрин М. Е.—
Сальери А.—
Санд Жорж —
Саруханян Е. П.—
Семевский В. И.—
Скафтымов А. П.—

Скотт В.—
Слоним М. Л.—
Случевский К. К.—
Смирнов А. В.—
Соколов Н. А.—
Сократ —
Соллогуб В. А.—
Соловьев Вл. С.—
Соловьев Вс. С.—
Соловьев И. Г.—
Соловьев С. М.—
Сперанский М. М.—
Спиридонов В. С.—
Станкевич Н. В.—
Стасов В. В.—
Стелловский Ф. Т.—
Стендаль Ф.—
Степанов Н. А.—
Страхов Н. Н.—
Суслова А. П.—

Таубе М.—
Толстая С. А.—
Толстой А. К.—
Толстой Л. Н.—
Траншель А. И.—
Третьяков П. М.—
Троицкий А. М.—
Трубецкая З. А.—
Трубицын Н. Н.—
Туниманов В. А.—
Тургенев И. С.—
Тхоржевская В.—
Тыркова А. В.—

Уманцев А. А.—
Успенский Г. И.—

Федоров Г. А.—
Федотов П. А.—
Фейербах Л.—
Философов В. В.—
Философов В. Д.—
Философов Д. В.—
Философова А. П.—
Фишон И.—
Флобер Г.—
Фрейд З.—
Фрейман Г. О.—
Фурье Ш.—

Хитрово М. А.—
Храмченко Н. В.—

Чермак Л. И.—
Чернышевский Н. Г.—
Чижевский Д. И.—
Чубинский П. П.—
Чуковский К. И.—

Шекспир В.—
Шестакова Л. И.—
Шестов Л. [Шварцман Л. И.] —
Шиллер И. Ф.—
Шкловский И. В.—
Штакеншнейдер А. А.—
Штакеншнейдер Е. А.—
Штауф Ю.—
Штейнберг А. З.—

Штирнер М.—

Штраус Д.—

Шумахер А. Д.—

Шумахер Д. Д.—

Щепкин Н. М.—

Юргенсон П. И.—

Яновский С. Д.—